ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 94 (3750) Вторник, 6 августа 1957 г. Цена 40 коп.

В КРЕМЛЕ



Фотоэтюд А. Ляпина

— Рады видеть вас в нашем Кремле! — таким радушным приветствием встречали молодые «хозяйки бала» гостей со всех широт и меридианов земного шара, прибывавших в тот вечер в Московский Кремль. И было в этом приветствии что-то действительно хозяйское: в звонком голосе нарядной, во все светлое одетой девушки, в скромной ее, но полной застенчивого достоинства осанке проступало не только радушие, но и гордость за наш общий большой советский дом.

Это сразу напоминало гостю, где бы он ни родился — в портовых ли кварталах Роттердама или в коттедже зажиточного «делового человека» Сиднея, на ранчо одного из штатов Америки или в бамбуковой хижине Цейлона, — что он находится в стране, где и на священном державном холме, окруженном знаменитой древней стеной со звездоносными башнями, чувствуют себя, как дома, все простые люди народа.

Когда-то, в старину, стрельцы у ворот Кремля перекликались по ночам, возглашая славу русским городам: «Славен град Москва!». «Славен Псков!», «Славен Суздаль!»... А в этот августовский вечер глашатаи у Спасских и Боровицких ворот, голосистые парни с московских заводов и из институтов столицы, передавали друг другу по цепочке торжественные сообщения о прибытии молодых посланцев дружбы из таких далеких мест, что их и с колокольни Ивана Великого не увидишь...

— Прибыла делегация Италии!.. Прибывают делегаты Вьетнама... Делегация Венгрии!..

И тотчас же навстречу гостям неслись приветствия, подбегали девушки, брали под руки гостей и вели их по пологому склону аллей Тайницкого сада, в зелени которого рассыпались огни.

Часам к девяти в Кремле собралось уже тысяч пятнадцать участников фестиваля и московских юношей и девушек. Двери знаменитых соборов-музеев Кремля и Оружейной палаты были широко раскрыты, гости с жадным, по-настоящему молодым интересом осматривали исторические достопримечательности.

Запели трубы над Кремлем, и все поспешили на Ивановскую площадь, к центру праздника. Трубачи стояли под шатрами старых островерхих башен и в звоннице колокольни Ивана Великого. И когда сигнал облетел все башни и запел над Ивановской площадью, поднялась на эстраду «хозяйка бала».

Приветствуя гостей Кремля, она предложила минутку помолчать, постоять в тишине, чтобы всем вместе послушать бой Кремлевских курантов. Все смолкло. И в эту минуту ожидания о многом успелось подумать...

Кремль не раз видел на своем веку тех, кто прибывал сюда, неся слово дружбы и братства от имени своих народов. И всегда славилось гостеприимство Московского Кремля, умевшего торжественно встретить доброжелательных посланцев. Но вряд ли когда-нибудь сразу, в один час, собиралось в стенах Кремля столько мирных посланников со всех концов света! И в эту паузу, которая отделяла нас от официального начала бала, в то короткое мгновение, когда все затихло на площадях Кремля и в аллеях его сада, каждый, вероятно, ощутил все глубокое общечеловеческое значение этого вечера в Кремле.

...Вот тут жил и работал Ленин, человек, который больше, чем кто-либо из живших на земле, сделал для того, чтобы заложить основы такого порядка жизни, при торжестве которого народы становятся братьями. Не раз, верно, стоял он там, где мы сейчас стоим, смотрел отсюда, с холма, на Москву, где тогда было так мало огней и так мало хлеба... Но он видел, как сказал поэт, «там, за горами горя, солнечный край непочатый». И, может быть, уже тогда угадывал день, когда суровые, неприступные для врагов ворота Кремля распахнутся для того, чтобы впустить тысячи молодых посланцев побеждающей интернациональной дружбы... И, возможно, видел мысленно Москву уже вот такой, какой мы видели ее сейчас, с Кремлевского холма, — Москву помолодевшую, праздничную, полную веселых огней и флагов всех народов.

Бьют в тишине Кремлевские куранты. Девять часов вечера. С последним ударом вступает оркестр, и первые широкие такты вальса раскатываются над Ивановской площадью. Бал открыт, и вот уже вся широкая площадь вовлечена в вихревое кружение танца.

Перед колокольней Ивана Великого итальянцы учатся у грузин плясать лезгинку. И, надо вам сказать, гости из Рима, Венеции, Неаполя, Падуи оказались чрезвычайно способными учениками. Пять минут не прошло, как они уже переняли у своих кавказских друзей все характерные приемы, орлиную повадку, свойственную этому летучему горскому танцу. Я направляюсь туда, где перед Грановитой палатой негритянские юноши танцуют с белокурыми эстонками какой-то африканский танец, а им аккомпанирует на губной гармошке юноша-бельгиец. А когда я возвращаюсь снова на Ивановскую площадь, там уже грузины учатся у своих друзей с Апеннин итальянской тарантелле... У Большого Кремлевского дворца пляшут знаменитую румынскую «Перницу» («Подушечку»). И, как того требует ритуал танца, посреди круга целуются веселый араб с застенчивой австрийкой, канадец с индианкой... Ничего не скажешь, таковы уж правила «Перницы», а кто ее не танцевал, тот и веселья не знавал!

В ночном синем небе высятся белокаменные громады кремлевских соборов, ярко высвеченные прожекторами. Прожекторы, опоясывающие весь Кремль, вскидывают свои лучи, которые сходятся в зените над нами.

А молодежь все кружится, танцует, поет, шумит — вот уж когда можно сказать «во всю Ивановскую»... И дружные возгласы на разных языках, призывающие к миру, к дружбе, звучат на этой старой кремлевской площади — звучат не только «во всю Ивановскую», но и на весь мир.

В ПОЛНОЧЬ снова раскатывается сигнал трубачей, бьют часы на Спасской башне. Но в тот же миг полночь превращается в полдень: тысячи цветных ракет взлетают в небо. Они как бы приподнимают его ночную синеву над Кремлем и заливают все своим танцующим пестрым светом. В голубых дымках ракет, в их осыпающихся радужных гроздьях купаются золотые маковки кремлевских соборов, алые звезды башен. А внизу плещется огненная зыбь факелов, и с новой силой вспыхивает жар фестивального бала. И кажется, что на всем, словно бы еще более раздавшемся, пространстве Кремля седая, величавая старина широко распахивается перед румяной, ясноглазой новью.

Лев КАССИЛЬ

Встречи, дискуссии, споры...

В Международном студенческом клубе

НАЧАЛАСЬ вторая неделя фестиваля, и вот одна внешняя подробность, хорошо передающая, в каком направлении неуклонно развивается все содержание праздника.

Водители фестивальных автобусов, которые в первые вечера демонстрировали свое умение преодолевать мощные живые заслоны, возникавшие на праздничных московских магистралях, теперь должны проявлять, главным образом, терпение: встреча, скажем, молодых текстильщиков вместо назначенных десяти часов вечера может закончиться в двенадцать, а студенты, изучающие право или химию, могут проспорить далеко за полночь...

Так нередко случается на Ленинских горах, возле здания МГУ, где размещается Международный студенческий клуб. Здесь разговоры и обсуждения, начавшись в аудиториях, под руководством разноязычных, но деловых президиумов, переносятся затем в фойе, комнаты отдыха, кафе. Они не кончаются и возле самой двери автобуса, так гостеприимно распахнутой...

Это идущее вглубь пытливое знакомство, когда в ходе теснейшего личного общения мысли и взгляды собеседника берутся, что называется, «на ощупь», когда так естественно укрепляются дружеские привязанности и возвышается чувство ответственности за судьбы мира, за будущее человечества, — это и составляет главнейшую тенденцию в развитии фестиваля, ярко окрашивающую его нынешние дни.

КЛУБ не пустует ни единого часа. Бывает, что около входа собирается множество народа, стремящегося попасть на вечер. На днях в этой жаркой обстановке у главного входа произошел такой диалог.

— Пропустите толпу, — весьма категорически сказал делегат фестиваля, представляющий одну из буржуазных газет, — или я напишу в свою газету, что у вас нет демократии.

— Дорогой друг, — ответил ему мокрый от пота парень, выполняющий обязанности контролера. — Пройдемте вместе со мной, и я покажу вам, почему мы не можем пропустить всех желающих.

Был вечер популярных мелодий. Он собрал такую аудиторию, что тесным оказался даже актовый зал университета. Пройдясь по переполненным фойе, поглядев, как весело танцуют гости вместе с москвичами, корреспондент, кажется, раздумал молнировать в газету. Во всяком случае, на своем требовании он больше не настаивал. На том и кончился этот маленький диспут.

Но естественно, что в залах и аудиториях, где собираются молодые люди, чьи взгляды и убеждения складывались не под влиянием мгновенных эмоций, а под воздействием более серьезных факторов, обсуждение приобретает многогранный характер. Надо ли напоминать, что во взглядах архитекторов и педагогов, историков и биологов, представителей других наук, выросших в условиях двух социальных миров, имеются существеннейшие различия?

ИДЕТ международный семинар студентов, изучающих литературу. Тема обсуждения сформулирована так: «Проблема традиций и новаторства в современной литературе». Как тут не возникнуть спору?

Повестка дня совсем не так академична, как это может показаться на первый взгляд. Достаточно сказать, что занятия семинара привлекли внимание таких писателей, как Константин Федин, Ян Судрабкалн, Назым Хикмет, Мигель Анхель Астуриас, Жоржи Амаду, Леонид Мартынов, Десанка Максимович, Станислав Нейман, Петру Думитриу, Филис Альтман, Максим Танк, Вальтер Виктор и других. Два дня обсуждение шло в аудитории, на третий день обмен мнениями продолжался во время экскурсии в Яснополянский музей-усадьбу Льва Николаевича Толстого. Краткий газетный отчет не позволяет, разумеется, передать читателю взгляды всех ораторов (выступило около тридцати человек). Здесь можно передать лишь самый дух этого дружеского спора.

Константин Федин точно выразил главное в полемике, сформулировав вопрос таким образом: сталкиваются ли между собой, взаимоисключают ли друг друга традиции и новаторство? Дилемма эта остро стоит перед каждым, кто выходит на самостоятельный творческий путь, ибо он должен обязательно решить, на кого из предшественников ему опираться и как писать, не повторяясь. Борьба за форму будет идти всегда, но есть задача, предопределяющая подлинное новаторство: речь идет о творческом освоении нового мира и нового в человеке. Мысли и наблюдения над французской литературой, изложенные французским поэтом Добжинским, и яркий рассказ о судьбах латино-американского романа, сделанный Астуриасом, убедительно подтверждали тезис о глубоком внутреннем единстве традиций и новаторства.

Когда берет слово парижский студент Ксавьен Лервиль-Анжер, то он прежде всего отмечает, что дискуссия приняла острый и напряженный характер. Лервиль-Анжер считает, что только разрыв с традицией позволяет писателю создать нечто новое. Яркую речь французского писателя Жана Пьера Шаброля пронизывает мысль о высоком назначении литературы, о том, что писатель не может хорошо писать, если сам он не совершенствуется как человек, не обогащает себя драгоценным опытом мировой культуры. Член советской делегации на семинаре Т. Балашова уточняет: считает ли Лервиль-Анжер, что все крупные произведения рождаются из абсолютного отрицания действительности? Т. Балашова указывает при этом на пример Ромена Роллана и Роже Мартена дю Гара, в творчестве которых обличение зла отнюдь не исключало пафоса утверждения. Взяв слово для ответа на поставленный вопрос, Лервиль-Анжер заявил, что не является сторонником искусства для искусства, и подробно изложил свои взгляды на эту проблему.

Студентка из Сорбонны Лизи Бабет высказала свои мысли о направлении в современной французской литературе, связанном с именами Ж.-П. Сартра и некоторых других писателей. «Они пишут о смысле жизни, — сказала Бабет, — раскрывая перед нами абсурдность вселенной, и это интересует молодежь». Станислав Нейман (Чехословакия), отвечая Бабет, обратил внимание на одну примечательную особенность, которая сближает все мировые шедевры, ставящие вопрос о смысле жизни, о назначении человека. Идет ли речь о росписях Сикстинской капеллы, о «Героической симфонии» Бетховена или о творчестве Данте — всех их объединяет глубочайшая любовь к человеку, вера в него. Эта неувядаемая традиция растет и развивается, она живет в пылающем сердце горьковского Данко, в стихах Маяковского, в «Слове перед казнью» Юлиуса Фучика...

Так шел этот дружеский спор...

В ходе его отчетливо раскрывалась прочность позиции тех, кто считает, что новаторство так же неотделимо от традиции, как форма неотделима от содержания. Он давал богатую пищу для размышлений каждому, кому дорог в литературе расцвет тех светлых мыслей и высоких чувств, которыми объединены сегодня участники фестиваля.

А. АНФИНОГЕНОВ

Язык дружбы

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялась встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Здесь собрались художники самых разных стран, самых разных народов мира — итальянский певец Тито Скипа и советский композитор А. Новиков, китайский поэт Эми Сяо и шотландский издатель Мак-Лелен, советский киноартист Борис Чирков и индийский актер и режиссер Радж Капур и многие другие. Все они говорили на разных языках, но язык настоящего прогрессивного искусства, язык мира и дружбы равно понятен и близок всем.

Краткие приветствия, с которыми выступили гости, сменялись оживленными беседами в кулуарах, танцы перемежались с общей дружной песней. Затем был показан международный концерт. Зрители увидели мастерство представителей искусств разных народов.

ПРИЕМ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вчера в Союзе писателей СССР состоялся прием большой группы греческих литераторов — председателей союзов писателей Греции Стратиса Мириливиса и Спироса Теодоропулоса, бывшего министра социального обеспечения Христоса Соломонидиса, поэтессы Авги Сакали, генерального секретаря одного из союзов писателей Греции Марию Ралли, поэта и журналиста Никифороса Вретакоса.

По просьбе гостей, А. Сурков рассказал о зарождении и развитии советских национальных литератур, о событиях, которые произошли в литературе между двумя писательскими съездами, об участии советских литераторов в борьбе за мир.

О состоянии греческой литературы и о борьбе писателей Греции за мир говорил Н. Вретакос. Он выразил надежду, что встречи с советскими писателями помогут писателям двух стран лучше узнать друг друга.

А. Сурков ответил на вопросы, касающиеся книгоиздания в СССР, системы авторского права и правил приема в Союз писателей, деятельности Литературного фонда СССР, быта и творчества советских литераторов.

Николай ДОРИЗО

БАЛЛАДА О СМЕЮЩЕМСЯ МАЛЬЧИКЕ

Косы, заплетенные короною.
Ни морщинки на высоком лбу...
Принесли ей с фронта похоронную —
Вдовью, безысходную судьбу.

Ахнула, потом заголосила,
Тяжело осела на кровать.
Все его, убитого, просила
Пожалеть детей, не умирать.

Люди виновато подходили,
Будто им в укор ее беда.
Лишь один жилец у нас в квартире
Утром встал веселый, как всегда.

Улыбнулся сын ее в кровати,
Просто так, не зная отчего.
И была до ужаса некстати
Радость несмышленая его.

То ли в окнах сладко пахла мята,
То ли кот понравился ему.
Только он доверчиво и свято
Улыбался горю своему...

Летнее, ромашковое утро.
В доме плачет мать до немоты.
Он смеялся.
Значит, это мудро, —
Это, как на трауре цветы!..

И на фронте, средь ночей кромешных
Он таким бывал всегда со мной —
Краснощекий,
крохотный,
безгрешный,
Бог всесильной радости земной.

Приходил он в тюрьмы без боязни
На забавных ноженьках кривых,
Осенял улыбкой перед казнью
Лица краснодонцев молодых.

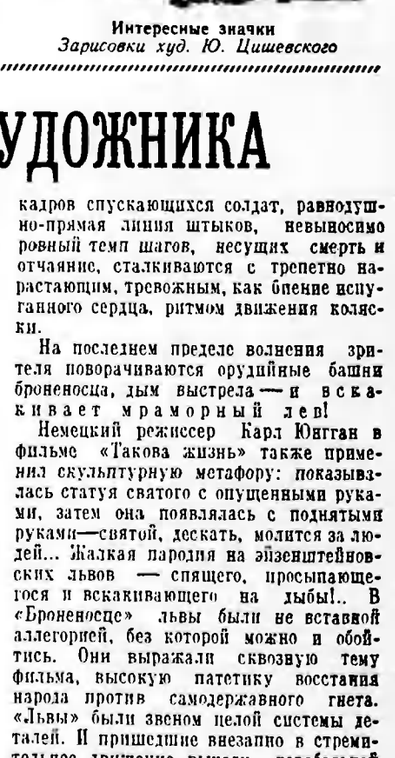
Он во всем:
в частушке, в поговорке,
В лихости народа моего.
Насреддин
и наш Василий Теркин —
Ангелы-хранители его!

...Целый мир в Москве моей собрался.
Фестивальным песням нет конца.
Значит, он недаром улыбался,
Мальчик, что остался без отца!

НА УЛИЦАХ МОСКВЫ



Трубка мира



Интересные значки
Зарисовки худ. Ю. Цишевского

Чемпионы дружеских игр



КОГДА австрийского теннисиста Хубера спросили, будет ли он продолжать финальный матч против чехословацкого спортсмена Яворского, тот с юмором ответил:

— Почему вы спрашиваете об этом меня? Обратитесь к небу.

Проливной дождь, разразившийся позавчера над Лужниками, заставил финалистов покинуть корт, а зрителей — трибуны. Ливень, правда, скоро прекратился, но площадка была мокрой, и многие были весьма удивлены, когда увидели на ней людей с... лейками. Однако в лейках была не вода, а бензин. Его подожгли, и огонь быстро высушил корт.

Финальный поединок Хубера с Яворским доставил истинное удовольствие любителям тенниса. Такой виртуозной игры мы давно не видели, и в этом смысле очень представительный турнир молодежных игр, в котором участвовали многие выдающиеся мастера ракетки, был для наших теннисистов хорошей школой. Хубер победил Яворского в пяти партиях, причем последнюю, решающую партию он выиграл очень легко. Вместе с индийцем Кумаром австриец оказался обладателем золотых медалей и в мужских парных играх.

Сменились чемпионы и у женщин. Венгерка Кермеци в трех партиях выиграла у победительницы варшавских игр чехословацкой спортсменки Пужейовой. Она же вместе с австралийкой Хеллиер победила в женском парном финале Пужейову и Дворжачкову (Чехословакия). Зато в смешанных парах чемпионами стали Пужейова и Яворский.

Финальные игры теннисистов собрали в минувшее воскресенье не одну тысячу зрителей. Впрочем, зрителей в этот день в Лужниках было вообще очень много. Как говорится, яблоку негде было упасть, и на Детском стадионе место осталось только для эллипсообразного мяча регбистов. Блестящий класс показали позавчера французы в матче с чехами. Для зрителей это было полнейшим откровением: оказывается, в регби можно играть, не злоупотребляя силовыми приемами и действуя не только руками и ногами, но и головой. Конечно, за такую игру великолепным французским спортсменам можно сказать только спасибо; думается, в значительной степени благодаря им регби в Москве найдет много приверженцев.

А сколько волнений доставил любителям спорта заключительный день соревнований по легкой атлетике на Большой арене! Прежде всего он принес много сюрпризов. Первой с новым рекордом дружеских игр закончила бег представительница Германской Демократической Республики Урсула Донат. Столь же неожиданно завершился и финал бега на 1 500 метров у мужчин. Мировой рекордсмен Станислав Юнгвирт на финишной прямой проиграл литовцу Ионасу Пипине и белорусу Евгению Соколову.

Бурей аплодисментов было встречено появление на стадионе рабочего-печатника из Белграда Франьо Михалича. Он первым закончил марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров. Югославские легкоатлеты были представлены на играх сравнительно небольшой группой, но выступили они очень успешно и на родину увезут с собой не одну медаль.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Но, пожалуй, не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

И. БАРУ

Е. ДОБИН

ВИДЕНИЕ МИРА И ПАРТИЙНОСТЬ ХУДОЖНИКА

ЛЕТОМ 1925 года Эйзенштейн начал снимать юбилейный фильм о первой русской революции. Сценарий был того типа, какой обычно называют «широким историческим полотном». Сценарист (Н. Агаджанова) пытался охватить в нем все важнейшие события революционного года — от 9 января до декабрьского восстания.

Съемки, начатые в Ленинграде, не ладились. Погода была хмурая: группа простаивала. Через некоторое время часть группы, выехавшая в Одессу, сообщила, что там стоят великолепные солнечные дни, условия для съемок — идеальные.

Эйзенштейн приехал в Одессу (не лишним будет здесь заметить, что он получил архитектурное образование) и увидел одну из достопримечательностей города, которой одесситы неумеренно гордились,—лестницу. Она оказалась могучим возбудителем творческой фантазии режиссера. Не имея решительно никакого отношения к восстанию на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», к событиям, разыгравшимся в Севастополе, лестница — вопреки мелочной исторической точности — стала местом действия центрального эпизода фильма.

Отснятые в Ленинграде куски полетели в корзину. Эпопея «1905 год» осталась неосуществленной. Единичный революционный эпизод, занимавший в сценарии достаточно скромное место (44 кадра из общего числа восьмисот), разросся в фильм, составивший эпоху в развитии мировой кинематографии. «Фильм снимался вдохновенно. Творческое воображение талантливого мастера работало исключительно интенсивно. Счастливые находки возникали тут же, в процессе съемки. Фильм рождался, как песня» (Н. Лебедев. «Очерк истории кино СССР»).

Почему мы вспомнили эту известную страницу из истории советского киноискусства? Чтобы подчеркнуть влияние случайностей на художественное творчество? В самом деле, случайности выстраиваются здесь в целую цепь: дождливое лето в Ленинграде — поездка режиссера не в Севастополь, историческое место действия, а в Одессу (там находилась кинофабрика со съемочным ателье) — личные архитектурные интересы и наклонности Эйзенштейна.

На первый взгляд, именно случайности определили фактуру и художественный облик кульминационной сцены «Броненосца «Потемкина». Но только на первый взгляд. Чем глубже мы вникаем в эту сцену, тем убедительнее, сильнее и неотразимее будет звучать вывод, совершенно противоположный. Для этого нужно только поставить себе вопрос: что хотел увидеть Эйзенштейн в лестнице, что начало представляться его творческому взору, когда он окидывал взглядом мерный ряд мертвых каменных ступеней, спускавшихся к морю? И тогда мы убедимся, что случайности определили только возможность воспламенения творческого воображения художника. Самое же содержание образов, созданных художником на фоне лестницы, полностью обусловлено целью художника, направленностью его видения. Нельзя понять, что Эйзенштейн нашел в лестнице, если не исходить из того, что он искал в ней.

Какие же возможности раскрыла в лестнице ищущая мысль художника? Эйзенштейн (и его архитектурный «профиль» помог этому) остро ощутил потенциальные сокровища пространственного ритма — в членении маршей, в чередовании ступеней и площадок. Но этот пространственный ритм не существует сам по себе в фильме, ибо сам по себе он для киноискусства пуст. Пространственный ритм был лишь основой, канвой для драматического ритма, для потрясающей человеческой драмы. А драматический ритм перерастал в исторический, перекликаясь с философией, с масштабами истории. Ритм стал как бы запалом взрывчатого, ошеломляющего воплощения революционного пафоса, революционной мысли картины.

АНАЛИЗ «лестницы» неопровержимо подтверждает, что ни понимание, ни эстетическое наслаждение художественной формой невозможно вне восприятия и осмысления идеи, вдохновившей художника.

В ритмическом строе «лестницы» прежде всего выделяется контрастное сочетание двух линий: «солдаты спускаются» и «коляска». Мертвенно тяжело, тупо чеканя шаг, с зловещей неотвратимостью спускаются солдаты с ружьями наперевес. В том же направлении — по диагонали вниз — катится коляска. Сходство рисунка движения еще резче подчеркивает абсолютно противоположный ритм «коляски». Коляска с ребенком почти невесома. Она как бы летит по ступенькам. Как бы в противовес своей «природе» она стремится вниз, в пропасть, в смерть. И это движение навстречу своей гибели, это падение воздушно легкой коляски настолько чудовищно ненормально и в то же время настолько магически стремительно, настолько пластически ощутимо, что хочется чуть ли не протянуть руку, чтобы остановить ее.

Мы с умыслом остановились на этих двух линиях эпизода, минуя кадры с ребенком, растоптанным бегущей толпой, с убитой матерью, с залитым кровью лицом учительницы в пенсне. В цепи кадров «солдаты спускаются» и «коляска» нет крови, нет искаженных страданиями или жестокостью лиц. Больше того, мы даже не видим лиц солдат (показаны только ноги), не видим ребенка в коляске (он появляется только на миг, в самом последнем кадре). Но столкновение ритмов так сильно, так могущественно впечатляет потому, что по-своему, метафорическими ассоциациями и сближениями, оно выражает (и идейно-художественно обогащает) основную тему фильма — грандиозное противопоставление двух исторических сил: революции и реакции, контраст двух миров: одного — тяжкого и жестокого, другого — чистого и человечного.

Мертвенная, бездушная повторяемость кадров спускающихся солдат, равнодушно-прямая линия штыков, невыносимо ровный темп шагов, несущих смерть и отчаяние, сталкиваются с трепетно нарастающим, тревожным, как биение испуганного сердца, ритмом движения коляски.

На последнем пределе волнения зрителя поворачиваются орудийные башни броненосца, дым выстрела — и вскакивает мраморный лев!

Немецкий режиссер Карл Юнган в фильме «Такова жизнь» также применил скульптурную метафору: показывалась статуя святого с опущенными руками, затем она появлялась с поднятыми руками—святой, дескать, молится за людей... Жалкая пародия на эйзенштейновских львов — спящего, просыпающегося и вскакивающего на дыбы!.. В «Броненосце» львы были не вставной аллегорией, без которой можно и обойтись. Они выражали сквозную тему фильма, высокую патетику восстания народа против самодержавного гнета. «Львы» были звеном целой системы деталей. И пришедшие внезапно в стремительное движение рычаги корабельной машины, и поворачивающиеся дула орудий, и мчащиеся к мятежному кораблю паруса шлюпок, и взметнувшийся в клотику красный флаг — все они поразному выражали один и тот же лейтмотивный образ скачка: от покоя к бурному движению — образ революционного «взрыва».

В том же ритме были построены и вся картина в целом и отдельные ее части. Начиная со второй, указывает Эйзенштейн, каждая часть отчетливо распадается на две почти равные половины:

Сцена с брезентом — бунт.

Траур по Вакуленчуку — гневный митинг.

Лирическое братание — расстрел.

Тревожное ожидание эскадры — триумф.

По словам Эйзенштейна, «перелом внутри каждой части не просто переход...

(Окончание на 2—3-й стр.).

ПОИСКИ И НАХОДКИ СТРОИТЕЛЕЙ

ГОРЯЧО и единодушно одобряет весь советский народ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства в Советском Союзе.

Непременное условие успешной реализации этой гигантской программы жилищного строительства — развязывание инициативы, поддержка всего нового, передового, широкое распространение новаторского опыта строителей.

Предлагаемые вниманию читателя две заметки «Шумит камыш над Иртышом» и «Дома, которые надо строить» рассказывают о поисках и находках строителей, стремящихся использовать для сооружения жилых домов местные, дешевые и надежные материалы. Новаторы находят смелые, экономичные и технически легко выполнимые решения, помогающие быстрее покончить с недостатком жилищ в нашей стране. Но беда в том, что иногда — а о заметках рассказывается именно о таких случаях — инициативу, опыт новаторов вовремя не поддерживают и не распространяют.

Шумит камыш над Иртышом...

СТЕПНОЙ большак, прямой, широкий, укатанный до асфальтового блеска. Едешь час, два, три — и нет края целине Прииртышья. Но как ни пустынна степь, она уже не та, что два-три года назад. Тогда между Павлодаром и Ямышевым — старинным казачьим форпостом на Иртыше — на десятки километров не было ни одного селения. Сейчас в степи городок. Издалека его белесые шиферные крыши напоминают палатки. Это — целинный Ямышевский совхоз.

— Были здесь и палатки, и вагончики, — рассказывает прораб Ямышевского стройучастка Алексей Васильевич Аксенченко. — Только в январе пятьдесят пятого собрали первые два домика. А сейчас во всех новых совхозах Павлодарщины нет такого городка, как у нас... — добавляет он с гордостью. — Научились строить! А знаете, кто научил? Морозы да ветер. Они здесь злые. Перетерпели одну зиму — и перестали ждать нарядов на щитосборных домов. Свои, местные материалы искать стали. А они — под боком... Иртыш-то рядом, а камыша там вдоволь.

Река от совхоза в полукилометре. По пойме и многочисленным озерам — чащобы камыша, рослого, а к осени до звонкости прочного. Сколько его ни скашивай, встает зеленой стеной.

В совхозе ставятся сейчас восемь четырехквартирных домов из камыша.

— Первый раз, когда увидел такое дело, не поверил, — вспоминает бригадир плотников Александр Владимирович Вольф. Одет он в гимнастерку, такие же брюки и похож на сапера-строителя. — Раньше строил в Омске большие, «настоящие» дома, а тут — камыш! Пустая затея, думал, ничего из него не сделаешь. А сейчас скажу: лучших домов и не нужно нам в совхозе.

Каркас дома сбивается из брусьев, обшивается редко, с большими зазорами, отходами теса. Затем — набивка камыша, вторая обшивка и дранковка. Остается только облицевать стены глино-цементным раствором, вставить рамы и двери.

— От вязки камышовых мат мы отказались, — продолжает рассказ Вольф. — Вязать их долго, да и не к чему. Набиваем каркас рассыпным камышом, плотно, стебель к стеблю, толщиной в пятнадцать сантиметров. Маты идут только на потолочные перекрытия. Эти восемь четырехквартирных домов были запланированы, как щитосборные. Но мы подумали, подсчитали и решили строить их из камыша. Щитосборный обходится в 250 тысяч, а камышитовый — на сорок тысяч дешевле. Вот вам и «шумел камыш...» Тепло, сухо, прочно. Многие из нас собственные дома из камыша строят...

Одна из тринадцати совхозных улиц, окаймленная зелеными саженцами, принадлежит индивидуальным застройщикам. Дома здесь возведены не силами строительного участка, а комбайнерами, трактористами, шоферами, рабочими и служащими совхоза. Ими построены и строятся сто тридцать домов! И почти все — каркасно-камышитовые. Ее, эту улицу, так и зовут — «Самостройная».

Новосел Степан Яковлевич Игнатченко рассказывает:

— Решил строиться. Отвели мне участок земли рядом с домом дочери. Получил в совхозе ссуду — восемь тысяч рублей... Камыш заготовили за два выходных дня на Иртыше. Косили втроем: я, жена, сынишка — восемьдесят снопов. Приеду с работы, поужинаю — и за топор. Вся улица у нас так строилась. Посмотришь, послушаешь — перестук стоит.

К сожалению, далеко не все сорок семь новых совхозов Павлодарской области строят так, как ямышевцы. А ведь в каждом из них могут заготовить и глину, и камыш, и другие строительные материалы. В таких совхозах, как, скажем, Березовский, не хватает главного «материала», без которого немыслимо никакое строительство, — разумной организации труда, хозяйственной, государственной озабоченности. Строителям целинных поселков нужен опыт ямышевцев. А пока, в ожидании хозяйской руки, шумит над Иртышом камыш, шумит нетронутый...

Г. КОЧЕТКОВ

Ямышевский совхоз,
Павлодарская область

Дома, которые надо строить

НА ЗЕЛЕНОЙ улочке Нымме, пригорода Таллина, выстроилось в ряд несколько домиков. Внешне они ничем не отличаются от сотен других домов — такие же двухскатные крыши красной черепицы, такие же большие окна, совершенно незаменимые в этом краю частых дождей и пасмурной погоды. И все же есть в них нечто необычное: они сделаны из... песка. Да, да,— из самого обыкновенного песка, слобренного небольшой толикой обыкновенной извести.

В 1948 году инженер Иоханес Хинт, главный инженер таллинского завода «Кварц», изобрел новый — дезинтеграторный — способ обработки песка. Суть его в том, что в дезинтеграторе песок не раскалывается, а обкалывается, с него снимается верхняя корка, а ядро остается в первозданной целости. Вместе с песком в дезинтеграторе было обработано небольшое количество извести-пушонки. Прочность изделий, изготовленных из этой смеси, стала поразительной.

Итак, был найден новый строительный материал, который можно изготовлять почти из любого песка с небольшим количеством извести (10—15 процентов). Материал этот был назван силикальцитом. Он обладает колоссальной прочностью, прост и дешев в производстве, изготовляется при помощи несложных технических средств. Из силикальцита можно изготовлять любые строительные детали: стенные блоки, плиты междуэтажных перекрытий, канализационные трубы, черепицу, облицовочные плиты, плитки для пола и т. д. К началу этого года на Таллинском опытном заводе (ТОЗе) было изготовлено семнадцать тысяч кубометров различных деталей из силикальцита, и все они отличались высоким качеством.

Семнадцать тысяч кубометров — это, конечно, внушительная цифра, если вспомнить, что на постройку одноквартирного дома из четырех комнат с кухней, ванной, передней, верандой и подвалом идет всего семьдесят кубометров силикальцитных деталей. Однако количество домов, построенных из силикальцита, не дошло еще до сотни, силикальцит никто еще официально не признал, а сам творец его не имеет до сих пор авторского свидетельства.

В течение восьми лет пытается доказать Й. Хинт преимущества силикальцита — его прочность, экономичность, возможность изготовления его в любом районе страны и в любом количестве. В силикальцит, в его чудесные качества уверовали сотни, тысячи строителей и хозяйственников. И только люди, коим по своему положению надлежало в первую очередь заинтересоваться новым строительным материалом, не только не признали его, но и всячески старались его опорочить. Когда дома, построенные из силикальцита,— их сейчас свыше семидесяти, — покорили наконец сердце местных скептиков, в дело вмешались другие скептики.

Но, пока силикальцит не признавали, слух о нем прошел по всему Союзу и даже за его пределами. Таллинский опытный завод стал своеобразной Меккой строителей. За сравнительно короткий срок здесь побывало пятьсот экскурсий, в том числе несколько экскурсий из стран народной демократии. Заводская книга отзывов полна восторженных записей и пожеланий. В Таллин приезжают строители, копируют чертежи дезинтегратора, изучают технологию и, в меру сил своих и способностей, начинают налаживать производство силикальцита на местах. По последним данным, в стране строится свыше ста силикальцитных заводов, в том числе при Кировском и Ижорском заводах, в Лодейном Поле, в Орехово-Зуеве и многих других местах. Но ни один из них не будет похож на другой. До сих пор нет ни типовых проектов силикальцитных заводов, ни постоянно действующей технологической схемы, ни стандартов. Научно-исследовательские работы в Таллине проводятся тоже фактически полулегальным путем — нет ни необходимых средств, ни достаточного количества специалистов и рабочих.

Нужна солидная материальная и научная база для того, чтобы силикальцит занял свое место в промышленном и жилищном строительстве. Дешевизна и простота изготовления нового строительного материала сэкономят государству в ближайшие годы миллиарды рублей. Сейчас, когда весь народ с энтузиазмом выполняет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства, силикальцит поможет быстрее осуществить гигантский план обеспечения всех граждан жилой площадью.

К. ЛЮБЧЕНКО

Таллин

Гости из Непала



Сидхи Чаран СРЕСТ

СРЕДИ участников фестиваля, приехавших из королевства Непал, есть Сусиля Консакар, певица и танцовщица, награжденная медалью королем Непала и получившая еще одну медаль из рук Чжоу Энь-лая во время его пребывания в Непале за танцы и пение.

Этой танцовщице, аккомпанирующей себе серебряным голоском, звучащим, как пение птицы, всего одиннадцать лет. Она одна, без папы и мамы, ринулась в далекое путешествие, самая мысль о дальности которого останавливает подчас неробких взрослых людей. Больше всего ее потрясло, что только билет на самолет от Катманду — столицы Непала — до Термеза, последней пересадки перед границей СССР, стоит пятьсот восемьдесят рупий. На такое множество рупий можно купить риса для всех бедняков ее улицы.

Ее отправляла детская ассоциация Наса-Кала. В Наса-Кала Сусиля училась танцевать. Петь ее учит солист Непальского радио Нали Кайи, член делегации.

Сусиля научилась отвечать без переводчика на вопросы, обращенные к ней. Так как почти все спрашивают ее, как она учится, то Сусиля торжественно потрясает маленькой ручкой с несчетными металлическими кольцами на запястье и растопыривает все пять пальцев: учится только на пятерки! Потрясенные малыши, окружающие Сусиля плотным кольцом, где бы она ни появилась, долго молчат, а их папы и мамы тут же начинают назидательный разговор. Сусиля исподтишка улыбается, она понимает, о чем идет речь.

— Много ли друзей у Сусиля?

— О, сотни! И около тридцати — близких! «Интимейд»! — говорит она по-английски, чтобы было понятнее.

Сусиля — известная певица. Ее очень любят в Катманду. Весь город — ее друзья. А тридцать близких друзей — это школьники, соседи по дому, сотоварищи по ассоциации Наса-Кала. Счет правильный!

Я очень долго был вместе с Сусиля. И было любопытно и радостно наблюдать, как открываются сердца людей при взгляде на ребенка. Художник изобразил некоторых ее друзей в Москве. Вот будущий юрист непалец Ишвари. Это представитель непальской интеллигенции. А вот народный поэт Непала Сидхи Срест. Он был осужден в 1941 году на восемнадцать лет каторги за свои песни возмущения и гнева. Пять лет он пробыл в тюрьме в ручных и ножных кандалах, пока прежнее тираническое правительство не было сменено новым, либеральным. Только тогда поэт был освобожден.



ИШВАРИ

Сидхи Срест после освобождения попросил одного из своих друзей, отправлявшегося в путешествие по Непалу, послушать, поет ли народ его песни. Друг привез ему списки десятков песен, которые народ запомнил и сделал своим достоянием. И это была лучшая награда поэту за все его страдания.

Сидхи Срест спел мне одну песню о Непале. Гнев и восторг, страсть и радость звучат в ней. И, оказывается, иногда не обязательно знать язык, чтобы понять поэта!

Счастливых дней в Москве и счастливой жизни тебе, маленькая Сусиля!

Мир и дружба, дорогие гости из Непала!

Николай АСАНОВ

ЛЮДИ ФЕСТИВАЛЯ



Сусиля КОНСАКАР

Рисунки худ. А. Демушкина

Шахтерская солидарность

ДА, ЭТО был необыкновенный оркестр. Фантастически выглядели на московской улице одеяния его музыкантов. Ярко-клетчатые юбки свисали над мускулистыми мужскими ногами. Широкий шарф того же цвета, что и юбка, ниспадал с плеч на темный с белым тиснением мундир, украшенный серебристыми пряжками с вкрапленными в них цветными стеклами. Все это разноцветное великолепие дополняли волосяные султаны и птичье крыло над шапочкой-пилоткой.

Непривычно звучали и мелодии, исполняемые этим оркестром. В них причудливо сплетались удары барабана с пронзительными голосами волынок. Но самое необыкновенное заключалось в том, что все музыканты этого удивительного оркестра были шахтеры — шотландские шахтеры.

Они вышли в десятом часу утра на московскую улицу со своими трубами и волынками, чтоб подчеркнуть торжественное значение товарищеской встречи молодых шахтеров — участников Московского фестиваля.

Непрерывно бьет барабан, настойчивым призывом звучат волынки, и, как бы откликаясь на их призыв, к Дому научно-технической пропаганды подъезжают автобусы, украшенные эмблемами фестиваля. Из них выходят шахтеры и пробиваются к входу сквозь плотное кольцо москвичей, бурно приветствующих горняков.

Идут молодые шахтеры старейших центров горной промышленности Англии, Германии, Бельгии, Франции, Донбасса, идут молодые шахтеры Китая, Японии, Норвегии, Дании, идут представители многомиллионной армии шахтеров, которые изо дня в день на всех континентах земного шара опускаются в глубины шахт, чтобы вырвать из земных недр насущный «хлеб» индустрии — уголь.

В глубине шахт, в трудных условиях подземной работы, формируется шахтерский характер — мужественно простой, неизменно отзывчивый на добрые порывы и дружбу. И совсем не случайно в самом начале встречи молодые шахтеры торжественным молчанием помянули своих товарищей, погибших на трудовом посту в шахтах, где добывали свет и тепло для людей.

Неистребима любовь человека к своему делу, пусть трудному и опасному. Вот и сейчас, заполнив фойе зала Дома научно-технической пропаганды, шахтеры собираются у действующих моделей машин и схем горных выработок. Идет оживленный обмен мнениями. Группа голландцев окружила модель комбайна «Донбасс» и внимательно слушает объяснение принципов его работы. А затем вопросы, вопросы. Особенно усердствует штейгер Стенферман. Его берет сплошь унизан значками-сувенирами, через плечо повешены шахтерская лампа и фотоаппарат, а на груди, около значков-сувениров,— символ шахтерской профессии: крохотные из пластмассы лапти и гномик. Рядом со штейгером — молодая девушка. Ее зовут Дина Фомбрайг. Неужели и она шахтер? Нет, у нее другая профессия, — она швея. Что же побудило ее прийти на встречу молодых шахтеров? Дина улыбается:

— У меня папа шахтер. Я ему все должна буду рассказать.

Широко, по-русски делятся советские шахтеры своим опытом, знаниями с гостями. Всем им были розданы изданные на нескольких языках библиотечки, составленные из брошюр, описывающих достижения наших новаторов: читай, знакомься, перенимай. Не знаешь языка — тоже не беда: тут же вычерчиваются схемы, из которых даже малопосвященному становится ясна суть новшества.

Тщетно звонок призывает молодых шахтеров в зал заседаний. Диспуты у машин трудно прервать. «Сейчас, сейчас», — отмахиваются от надоедливого звонка «болельщики» техники, записывая технические характеристики машин.

Но вот опустели кулуары. Большой зал заседаний заполнен до отказа. Нет ничего официального в этой первой встрече шахтеров, нет даже общепринятого доклада. Порядок дня прост: выходи на трибуну и рассказывай товарищам обо всем, что тебя волнует. И так получилось, что первая встреча вылилась в дружеский разговор шахтеров о своей жизни, думах, чаяниях, успехах.

Нелегка жизнь шахтеров в капиталистических странах. Напряженно слушает вал представителя молодых шахтеров Рура Гейнца Шимека. Он бесстрашно показывает, что скрывается за ликующими криками об «экономическом чуде» в Западной Германии. Да, производительность труда шахтера растет, но за счет чего? За счет здоровья, жизни рабочих. За десять послевоенных лет погибли из-за пренебрежения к правилам охраны труда 22 тысячи шахтеров, в среднем восемь человек в день! А руководители шахт все гонят: «Давай, давай!»

Мой сосед, шахтер из Па-де-Кале, записывает что-то в блокнот. Я не разбираю текста, но ясно вижу цифры — «22 тысячи» и «8».

Представитель шахтеров Англии рассказывает, что условия труда после национализации угольной промышленности несколько улучшились, но еще совсем недостаточно. В шахте под землей работают шестнадцатилетние юноши, которым до 21 года платят много меньше, чем взрослым рабочим. Итальянец, бельгиец и представители шахтеров других капиталистических стран рассказывали о первоочередных своих требованиях — о борьбе за безопасность труда.

И многие из них впервые узнавали здесь, что то, чего они добиваются, уже давно осуществлено в Советском Союзе, в странах народной демократии, где государство проявляет постоянную заботу о шахтере.

Взволнованно слушают молодые шахтеры сообщения представителей советских, чехословацких, польских шахтеров об условиях труда молодежи, о сокращенном рабочем дне и высоких заработках. Все это чудесно. Но неизмеримо большее впечатление, чем эти очень выразительные цифры, на аудиторию производят сообщения о числе шахтеров, обучающихся без отрыва от производства в техникумах и вечерних вузах, о том внимании и почете, которыми окружены горняки в странах социализма.

И в ответ на это коротко и восторженно воскликнул чилийский шахтер Молина:

— Наша молодежь всегда, всегда была и будет с Советским Союзом, со всеми борцами за мир во всем мире. Мы с вами, друзья!

***

ЧЕГО только не увидишь в Москве в дни фестиваля! Москвичи уже привыкают к неожиданным встречам. Москвича теперь трудно удивить. И, может быть, короткие сообщения о встречах по профессиям — шахтеров, строителей, текстильщиц — мало говорят воображению. Но фестиваль — это не только дни веселья, радостных встреч и смотра в искусстве. В повседневных встречах молодежи различных профессий воздвигаются все новые бастионы рабочей солидарности — основной, главной силы в мире, способной остановить зачинщиков войны.

И. БЕЛОВ

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«ОКТЯБРЬ» Августовский номер журнала «Октябрь» открывается откликами писателей М. Ибрагимова, А. Первенцева, С. Мукзнова на решения июньского Пленума ЦК КПСС.

Заканчивается публикация повести Ганса Леберехта «Под одной крышей». Читатель познакомится с рассказами Л. Соловьева «Одна любовь» и Б. Можаева «Власть тайги».

В поэтическом разделе журнала — стихи А. Коренева, А. Межирова, Магомеда Мамакаева в корейского поэта Хан Юн Хо.

О незабываемых событиях социалистической революции рассказывается в воспоминаниях А. Пронина «Бурные годы», которые печатаются в литературной записи А. Капины. В отделе публицистики печатаются также статьи А. Рожина «Важное звено» и очерк А. Тринды «Мужество».

В разделах «Наука» и «Искусство» опубликованы статьи профессора В. Алпатова «Проблемы долголетия» и очерк Ф. Запорожского «В театре Кабуки». В разделе «Литературная критика» — статьи Н. Абалкина «Содержание темы», А. Кондратовича «Судьба человека» и В. Млечина «Два мира Шуры Соколова».

◇

«ЗНАМЯ» Журнал открывается передовой статьей «Новое побеждает», посвященной итогам июньского Пленума ЦК КПСС и задачам советской литературы.

В августовской книжке печатается начало второй книги романа В. Кожевникова «Заре навстречу», в которой описывается становление Советской власти в Сибири конца 1917 и начала 1918 года. Среди прозаических произведений — рассказы Н. Грибачева «Старый сад» и Ю. Козакова «Никишкины тайны».

Поэзия в этом номере представлена стихами Е. Долматовского и казахского поэта Жумагали Саина.

Под рубрикой «Рассказы о великих днях» печатаются воспоминания М. Д. Горчаева «Партии рядовой».

Раздел «Культура и политика» представлен очерком П. Автомонова «В колхозах Черниговской области», статьями Д. Краминова «Карьера адвоката», Л. Москвина «Уроки истории», П. Скоморохова «Закон и преступление». Традиционный отдел «Знамени» «Новое в журналах» посвящен на этот раз обзору сельскохозяйственных журналов.

В «Трибуне писателя» — статьи В. Инбер «Вдохновение и мастерство» и А. Коваленкова «Перед первой книгой» (о стихах молодых поэтов-студентов Литературного института имени А. М. Горького). С большой публицистической статьей «Писатель и современность» выступает В. Берне.

ВИДЕНИЕ МИРА И ПАРТИЙНОСТЬ ХУДОЖНИКА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

в иной ритм... но каждый раз переход в резко противоположное движение».

В построении «лестницы» мы видим еще одну примечательную особенность: суживание масштаба.

Сначала общие планы с бегущей толпой. Затем кадры с небольшой группой женщин и стариков, взывающих к солдатам о прекращении войны. Наконец, одна коляска с ребенком.

Концентрически суживающиеся круги стягивают в одну точку, «спрессовывают» эмоции зрителя. Весь ужас бесчеловечного расстрела, вся гнусность царизма концентрируются в гибели одного ребенка, — и волнение зрителя достигает неописуемого напряжения.

Почему мы так подробно остановились на «партитуре» коляски, минуя прямоповествовательные эпизоды незабываемого фильма? Чтобы показать, как тончайшие элементы формы, конструкции, ритма имеют своим источником идею, движущую художником. Почему «львы» Эйзенштейна облетели мир? Почему они так заражали зрителя, так поднимали его? «Львы» были восклицательным знаком, поставленным в конце гениально построенной монтажной фразы. Они разрешали мучительное напряжение сцены с коляской и всего эпизода «лестницы». Есть выход из мук, зла и страдания. Этот выход один: революция! Проведя зрителя по каждой из ступенек однообразной лестницы, Эйзенштейн начертал на ней это слово, мощным эхом отдавшееся в сердцах миллионов.

Узко смотрят на партийность искусства те, кто рассматривает принцип партийности только как предпосылку искусства. Проделанный нами путь от созерцания Эйзенштейном одесского архитектурного памятника до созданного им эпизода лишний раз доказывает, что партийность — созидательная и движущая сила самого творческого процесса. Партийность — это сосредоточенность, целенаправленность и целеустремленность творческого воображения художника.

ХОЧЕТСЯ напомнить читателю одну сцену из четвертой части «Последнего из удэге». Коммунисты, руководители повстанческого ревкома — Петр Сурков, Алеша Маленький, Мартемьянов, — читают письмо, написанное сидящими в колчаковской тюрьме членами областного комитета партии.

Письмо — деловое. В нем разъясняются задачи, стоящие перед партизанским движением против белогвардейцев и интервентов, уточняется тактика, даются указания и формулируются директивы. Задачи, указания, директивы... Но члены ревкома, люди, закаленные в суровой борьбе, чуждые сентиментам и совсем не склонные расчувствоваться, слушают это письмо с глубоким и чистым волнением, которое они стеснялись показать друг другу.

После прочтения письма Алеша Маленький смущенно и растроганно покрутил ежовой своей головкой и сказал: «А ну-ка, еще раз прочтем...». Они читают еще раз и еще раз, и каждый раз оно открывается им все новыми сторонами. Уже близится рассвет. Боевые друзья укладываются, чтобы соснуть часок, но долго еще говорят в темноте о письме и работе. И даже, когда разговоры умолкают, «каждый еще долго не спал и думал о своем, личном, которое вдруг тоже стало таким ясным и чистым перед их моральным взором».

Письмо закованных в кандалы коммунистов, из тюремной камеры продолжающих руководить движением, глубоко трогает и читателя. Это — прекрасная, глубоко западающая в душу, навсегда запоминающаяся удивительная сцена!

Чем же она удивительна? А тем, что, читая ее, видишь не только показанных в ней Суркова, Алешу и Мартемьянова, но и не показанных (и вообще ни разу не выведенных в романе) авторов письма.

В искусстве иногда бывает такое «чудо». В картине Петрова-Водкина «Тревога» мы непосредственно видим только комнату. Напряженно прислушивается женщина, муж прильнул к окну. По силе художественного внушения мы ощущаем то, что происходит за стенами этой бедной рабочей квартиры и что составляет главное содержание, душу картины, — тревожные дни гражданской войны. «Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг...» Мы чувствуем это потому, что помыслы, переживания людей, показанных в картине, магнетически тянутся туда, на улицу, где бьется пульс революции, призывая к сплочению, к борьбе, к отпору врагу.

Такое же «чудо» произошло и в упомянутой нами сцене фадеевского романа. Что мы знаем об этих членах областного комитета Коммунистической партии, томящихся в тюрьме? По письму мы можем судить об их политическом разуме, дальновидности, умении разобраться в трудных вопросах революционной стратегии, сложность которых породила столь яростные споры в партизанском ревкоме, поставив друг против друга таких верных друзей, как Сурков и Алеша Маленький. Но мы ведь ничего не знаем о них лично (если не считать те скудные сведения, что кличка одного из них «дядя Володя», а другого «Христос» и что последний сумел сбежать из тюрьмы и включиться в работу подпольного комитета). А между тем мы находимся под властью непреодолимого убеждения, что перед нами живые персонажи романа, с живым обликом и физиономиями. Нами владеет иллюзия, что мы немало можем порассказать об этих людях, об их нравственной стойкости и умудренности, об их сердечной теплоте и товарищеской самоотверженности, об их юморе и несокрушимом оптимизме перед лицом каждодневной угрозы быть замученным или казненным.

НА ЧЕМ же основано это «чудо»? Немаловажную роль играет умение Фадеева многое дать одним штрихом, одной деталью. Вот в конце письма такая фраза: «Работаете вы, все в общем, хорошо. Мы здесь на отдыхе завидуем вам и гордимся вами». Как много говорит эта фраза и как сильно действует и поднимает дух ревкомовцев то, что сидевшие в тюрьме руководители «не сердились на глупости и ошибки, а учили и ободряли и даже гордились теми, кто работает на воле».

В незашифрованном письме, по необходимости написанном эзоповским языком, неуловимый юмор сквозит в каждой строчке. Невинная фраза, например: «большая гроза идет с запада, вон даже солдатики бегут», легко расшифровывается, как известие о том, что наступление советских войск идет успешно и Колчак отступает.

Но дело не только в этом. Разгадка «чуда» — в атмосфере всего романа, в художественном раскрытии поэзии и большевистской работы, большевистского коллектива, большевистской борьбы. Эта поэзия составляет душу романа. Это главная внутренняя тема фадеевского творчества, его лейтмотив и средоточие. Только потому и оказалось возможным то «чудо», о котором мы говорили выше.

Если бы не было в «Последнем из удэге» таких, полных обаяния жизненности фигур, как Сурков, Алеша, Сеня Кудрявый, если бы перед читателем не прошли эти люди, для которых вся партия, слова партии, воля партии дороже всего в жизни,— этого «чуда» не было бы. Но Фадеев еще до сцены чтения письма обогатил нас знанием душевных богатств, стойкости, верности сынов большевистской партии. Токами плейной и эмоциональной «индукции» это стимулировало и в читателе творческое воображение, позволившее ему дописать образы большевистских главарей, показанных только косвенно, через письмо.

В фадеевском романе есть одна, совсем крохотная сценка, Алеша только что пришел в партизанский ревком. Он «подошел к столу и склонился над свежей газеткой. Запах гектографской краски ударил ему в нос, что-то очень теплое, неповторимое, как юность, шевельнулось в душе этого закоренелого подпольщика.

— Н-да-с... «Партизанский вестник», — прочел он вслух и замигал, нежно прижав к груди сверток».

Эти скупые три-четыре строки стоят многих страниц. Приоткрывается целая биография — жизненная и душевная. Обрисовываются черты поколения, да и не одного, а многих поколений, выросших под знаменами Коммунистической партии, воспитанных и взращенных ее борьбой.

Гершуни, известный эсер-террорист, рассказывает в своих воспоминаниях о первом аресте. Царские тюремщики заковали его в кандалы. Гершуни поднес их к губам и поцеловал. Целовать кандалы!.. — В этом вся мера жертвенной экзальтации и любви к эффектным жестам мелкобуржуазного революционера-одиночки, оторванного от народных масс.

Алеша, нежно прижимающий к груди сверток гектографированной партизанской газеты,—это не от сентиментальности. Ничто так не чуждо насмешливому характеру Алеши, его здравому смыслу, как сентиментальность. Но гектографский запах — знак самого дорогого, самого заветного из испытанного Алешей в жизни: революционного подполья, партийной работы. Ультрапрозаическая вещь — сверток отпечатанных газет. Но здесь частица его сердца, жар души, радость участия в священном деле революции, бесконечная привязанность к великой большевистской партии.

ОТКРЫВ ЛИЦО

„С НИМИ чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь, — восклицал узбекский поэт Хамза Хаким-Заде Ниязи, обращаясь к женщинам Востока. — Оковы на куски разбей, им не подвластной будь!.. Из темной жизни выходи, зарею ясной будь!»

Я вспоминал эти строки, читая роман Аскада Мухтара «Сестры».

В то время, когда создавались стихи Хамзы, вокруг вопроса о парандже разыгрывались подлинные трагедии — отражение борьбы за новые формы жизни и быта. Тема «открытого лица» прошла через всю литературу Советского Востока двадцатых — начала тридцатых годов. Роман Аскада Мухтара продолжает традицию литературы тех лет.

Действие его происходит в первые послереволюционные годы, но он отнюдь не воспринимается как исторический. Писатель рассказывает о строительстве ткацкой фабрики в условиях старого города, старого не только потому, что он давно существует, а потому еще, что привычки и нормы старой жизни и быта здесь еще очень сильны. Новая фабрика — огромное событие. Вокруг этого строительства бушуют страсти, схватывается старое с новым, проясняются взаимоотношения людей, меняются судьбы. С искренним и глубоким интересом следим мы за всем этим вместе с писателем. Тема романа А. Мухтара — рождение нового, советского человека. Роман его — это роман о нарождающемся узбекском рабочем классе, об освобождении женщин, о победной, но трудной борьбе за социализм.

Аскад Мухтар вводит нас в тот уголок жизни, о котором мы знаем, к сожалению, все еще мало. Он ведет нас по тихим узким улицам, вдоль глинобитных заборов и саманных крыш. Тяжелым июльским зноем веет со страниц его повествования. Всего несколько шагов рядом с автором, и мы начинаем ощущать атмосферу глухого квартала! А вот перед нами и обитатели его — Анахон, Назокат, тетушка Ризвон и другие ткачихи, работающие на нэпмана Кудратуллу, или, как называют таких здесь, «нефмона». Для мужчин-ткачей, вчерашних полунищих ремесленников, в первые же годы после революции изменилось многое. Женщины тогда жили еще в своем страшном маленьком мирке. Он не менялся в течение столетий.

Быт женщины-узбечки казался неизменным, но внимательный взгляд сразу улавливает и здесь неожиданное, потому что устои жизни стали уже совсем другие.

Главную героиню романа мы впервые встречаем в ткацкой Кудратуллы. Она работает на бая, на нефмона. Но почему же верный слуга Кудратуллы, Костлявый Махсум, побаивается Анахон и вообще ведет себя далеко не так, как раньше, и не очень-то возвышает голос? Известно, что Анахон ходит в только что организованный женский клуб, что она мечтает о женской артели. Еще известно, что она по-настоящему любит свою работу...

Постепенно, исподволь, перед нами раскрывается образ этой женщины: мы видим, как она преодолевает страх и привычку молчать, мы видим, как крепнут ее активность, воля, отвага.

Шаг за шагом, аргументируя каждое движение, каждый этап духовного развития Анахон, прослеживает автор ее жизнь. Ему не нужно создавать хитросплетения искусственно острого сюжета,—к его услугам удивительные биографии женщин советского Востока двадцатых годов.

Образ Джурахон, первой женщины города, которая сняла паранджу, стоит перед глазами ткачих, образ женщины-коммунистки, женщины, видевшей Ленина, беззаветно сражающейся против старых обычаев. Достойный пример! Аскад Мухтар показывает преемственность революционных традиций. Гибнет от руки врага дочь партии, храбрая Джурахон, но раскрываются глаза у десятков и сотен тружениц. Перед ее гробом сжигают они паранджи, клянутся не уступать. И вот перед нами — уже выросшая, новая Анахон, председатель артели, руководитель женотдела, член партии, вожак женщин, стремящихся к новой жизни.

К чести автора надо сказать, что ему удался не только образ героини, стоящей в центре повествования, но и образы других персонажей. Интересно задуман Ефим Данилович — русский коммунист, осуществляющий партийное руководство строительством. Удачен образ Эргаша, этакого узбекского Нагульнова, человека, бесконечно преданного партии, но горячего, невыдержанного. Хороша сцена его первого появления. Демобилизованный из Красной Армии, Эргаш попадает на базар. Перед ним десятки частных лавочек, кофеен, ресторанов. Эргашу начинает казаться, что за те четыре года, что он сражался с басмачами, ничего не изменилось. Эргаш осматривается.

«— Кто вы? — спросил Эргаш, глядя лавочнику в переносицу.

— А? Что?

— Я спрашиваю: кто вы такой? Чья это лавка? Чье это вино? Чьи деньги у вас в кармане?

Пиала задрожала в руках лавочника.

— М-м-мои, добрый молодец... Пейте бесплатно, прошу вас...

Эргаш молча пошел прочь. «Знает, кто здесь настоящий хозяин, — думал он про лавочника. — Но почему у них такое привольное житье?» Эргаш чувствовал себя, точно во сне, будто время обратилось вспять и остановилось».

Аскад Мухтар хорошо, убедительно показывает, как постепенно Эргаш начинает понимать, что воспитание человека нового общества — дело куда более сложное, чем ему вначале казалось, как постепенно вырастает он в настоящего руководителя стройки.

Органично входят в повествование и другие действующие лица романа — избалованный байский сынок Пусратулла, трудящиеся женщины-ткачихи во всем их человеческом разнообразии (мы постепенно начинаем ощущать их не просто как женщин-тружениц, но как представителей молодого рабочего класса Узбекистана). Удались А. Мухтару милые, непосредственные сестрички — дочки Анахон. Художественно убедителен образ учителя Наими, буржуазного националиста, докатившегося до прямого пособничества врагам. Льстивый, трусливый, маленький, провокатор по натуре, слуга по характеру, этот человек стремится доказать свое непричастие к преступлениям врага, он проходит по повествованию с присловьем самгинского типа: «Видел верблюда? Нет» (мол, не поймал — и не вор, да и вообще разве что-нибудь случилось?)

К сожалению, автору где-то посредине повествования показалось, что необходимо усилить внешнюю сторону — и параллельно психологическому роману начался детектив. История литературы знает, когда в самые глубокие, самые реалистические произведения входила приключенческая линия; в самом факте этом нет ничего неверного. Важно, как все это сделано. А эта линия у А. Мухтара выписана слабо. Что стоит бегство Нусратуллы к басмачам, когда его по тяжелым горным дорогам ведет... слепец. Примитивно написан Черный Кулмат — игрок и пособник диверсанта. Банален иностранный шпион Часторговец — бродячий персонаж, который побывал уже в добром десятке романов о Средней Азии.

Эти недостатки тем обиднее, что, по сути дела, перед нами—одно из первых произведений литератур Советского Востока, посвященных рабочему классу, годам великой героической стройки. И к чести писателя надо сказать, что как раз сцены строительства написаны очень красочно. Патетика созидания, атмосфера творческой работы, гордая радость человека, видящего, как его труд вливается в труд республики, — отличительные черты романа «Сестры».

Роман Аскада Мухтара — значительное явление в литературе Советского Узбекистана. Хороший в целом перевод А. Пантиелева (если не считать некоторого злоупотребления узбекскими словами вначале и выражений вроде «добрый молодец») сделал его достоянием всей нашей многонациональной литературы.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Аскад Мухтар. «Сестры». Роман. «Дружба народов». №№ 1, 2, 3. 1957.

РАССКАЗЫ Вадима ИНФАНТЬЕВА

На страницах журнала «Советский воин» один за другим стали появляться небольшие рассказы, которые сразу же привлекли внимание читателей. «Смирновская вода», «Физика...». В первом сдержанно, с удивительной точностью рассказано об одном из эпизодов минувшей войны; во втором — все так же сдержанно, просто и точно, но только уже с доброй, лукавой улыбкой повествуется о молодом моряке нынешних, мирных дней. Вадим Инфантьев обладает счастливым даром, позволяющим ему на небольшой площадке короткого рассказа сообщить читателю нечто очень важное и большое; порою на этой площадке размещается множество людей с разными, неповторимыми характерами.

Инженер-капитан 2 ранга В. Инфантьев отлично знает материал, из которого создает свои произведения. Вот почему многое из того, что выходит из-под пера молодого литератора, подкупает своей достоверностью. И еще одно весьма важное обстоятельство: В. Инфантьев любит своих героев — летчиков, моряков, техников и мотористов. Любит, но не умиляется ими. Он говорит о них мужественным, суровым голосом, но читатель-то не может не чувствовать, как щедро обогреты эти простые, обычно малозаметные герои горячим сердцем писателя. Вероятно, читатель почувствует это и в предлагаемом его вниманию рассказе «Шестеро с острова».

Появление имени Вадима Инфантьева очень радует нас, военных писателей. Нашего полку прибыло!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«МОСКВА» Номер открывается передовой статьей «По ленинскому курсу» — об июньском Пленуме ЦК КПСС.

Проза представлена рассказами А. Шарова из его серии «Друзья мои коммунары», рассказом молодого писателя Ю. Козакова «Арктур, гончий пес». Печатается окончание повести И. Неверли «Паренек из Сальских степей».

Раздел «Из летописи Великой революции» представлен воспоминаниями К. Еремеева «Осада Зимнего дворца» и работой П. Подляшука «Жизнь Ивана Русакова», представляющей собой наброски к биографии большевика.

Среди поэтических произведений — стихи М. Светлова, Г. Поженяна и цикл переводов Н. Заболоцкого из Важа Пшавела. Публикуются также стихи В. Луговского и автобиография поэта, написанная им незадолго до смерти.

В журнале — очерк Е. Златовой «Так живут в Чекалтенах» (о сегодняшнем дне молдавской деревни), статья В. Озерова о новаторской сущности социалистического реализма. В номере — большой отдел рецензий, «Дневник «Москвы», «Смесь».

«ДОН» Августовская книжка «Дона» открывается откликами писателей на постановление июньского Пленума ЦК КПСС. Публикуются очерки и заметки В. Закруткина, А. Калинина, В. Фоменко, кабардино-балкарских писателей А. Шогенцукова и М. Киреева.

Трудовой победе хлеборобов Кубани и Дона, выполнивших план уборки и хлебозаготовок, журнал посвящает репортаж «Идет хлеб Юга...»

В августовской книжке — начало воспоминаний С. М. Буденного «Пройденный путь».

Проза представлена повестью краснодарского писателя Л. Пасенюка «Анна Пересвет» — о трудовых буднях и жизни рыбаков Черного моря. Публикуются рассказы В. Беляева «Часы», В. Шаблыкиной «Соль», П. Калинкина «В пути» и польского писателя Э. Низюрского «Подлиза».

В разделе поэзии — стихи В. Автономова, В. Жака и С. Алексеева.

В номере — исторический очерк Шэуджена Аюба «Бессмертие адыга», очерк Ю. Калугина «Бразилия без экзотики», очерк А. Мухаревой «Голубая молния инженера Давыденко».

ДОБРОГО ПУТИ!

Шестеро с острова

РАССКАЗ

КОМАНДИР отдавал приказание, не смея поднять глаз от земли. Подчиненные — шесть техников (всё, что осталось от технического персонала авиационной части на этом острове) — стояли неровной шеренгой, глядя на носки своих сапог.

Лица техников были темны от загара и бессонницы. Одежда, пропитанная маслом, тускло лоснилась. Жилистые руки с потрескавшейся кожей не то висели безжизненно, не то обозначали команду «смирно».

Десять истребителей, таких же залатанных и закопченных, как и те, кто выхаживал их, были готовы к взлету. Летчики сидели в кабинах и смотрели на остающихся.

Командир медленно произносил слово за словом:

— Ничего не поделаешь. Приказ есть приказ. Другого выхода нет... — Он запнулся, помолчал. — Немцы заняли побережье. Удерживать остров нет смысла. Войска наши на материке. Приказано уцелевшими машинами прочесать приморскую дорогу и сесть на аэродром 23-й авиабригады. Машины одноместные. Сами понимаете...

— Летите, товарищ командир, темнеет, — сказал старший техник Сивков, глядя в сторону, — а мы... Мы как-нибудь доберемся через пролив...

Сивков нахмурился, заморгал выцветшими ресницами и, окинув взглядом самолеты, добавил:

— Машины в порядке.

— Надо, надо добраться. Используйте подручные средства. — Командир помолчал, подбирая слова, потом махнул рукой и побежал к своей машине. Залезая в кабину, крикнул: — Оставшееся горючее, боеприпас, неисправные машины — сжечь!

Вот последний истребитель оторвался от земли и растаял в вечерней синеве. Все продолжали смотреть вслед, как и положено техникам: не спускать глаз со своей машины, пока она не скроется.

Самолеты уже давно исчезли, замер гул их моторов, а оставшиеся на аэродроме все еще глядели в небо.

Хотелось кричать, рвать голосом эту непривычную тишину, страшную, как внезапная глухота. Где-то заверещал кузнечик и смолк. Чистый печальный крик какой-то птицы донесся издали. Она пролетела далеко над кустами, четко выделяясь на бледно-зеленом горизонте.

ТРАВА стала серой. Кусты почернели и сдвинулись. С моря потянуло прохладой.

Огромный, неуклюжий Гапчук медленно наклонился, провел рукой по траве и, вытирая ладонь о грудь, хрипло сказал:

— Роса. Погода будет.

Никто не ответил.

На пепельно-синем небе мигнула первая звездочка, до жути далекая и чужая.

— Ну что? — тихо спросил кто-то и смолк.

Черный и длинный, как жердь, Перкалев, словно надломившись, сел на траву:

— Сейчас лягу и засну...

— Штыком разбудят, — жестко заметил Девяткин и сморщил без того морщинистое скуластое лицо.

— Черт с ним, — равнодушно ответил Перкалев, — хоть высплюсь.

Все вдруг почувствовали усталость и один за другим опустились на траву на этой, пока еще своей земле. Девяткин опять сказал жестким голосом:

— Ну вот, и нас оставили. Как населенный пункт, не имеющий стратегического значения.

— Хватит тебе скрипеть, — после некоторого молчания ответил Гришуткин. В сумерках глаза Гришуткина блеснули и потухли.

Маленький Иванеев, самый молодой из «технарей», сосредоточенно рассматривал свои ладони, медленно шевеля пальцами, словно не мог решить, зачем они теперь.

Все шестеро часто поворачивали головы в сторону пролива. Не то мерещилось, не то на самом деле иногда оттуда доносился еле уловимый гул. Не хотелось ни говорить, ни думать.

Перкалев внезапно встал, осмотрел всех с высоты своего роста:

— Закурить бы дал кто, что ли.

Все засуетились, вспомнив, что только этого, именно этого и не хватало им. Закурили. Огоньки спрятанных в кулаки папирос выхватывали из темноты обросшие лица.

— ...Если перебираться через пролив, то сейчас, — продолжал вслух свои мысли Гапчук, — лодку возьмем у рыбаков. За ночь доберемся...

— До немцев, — перебил Девяткин.

— Пойдем на север, — отмахнулся Гапчук, — и высадимся на незанятый берег.

— Ну да, — усмехнулся Девяткин, — взойдет солнышко, мы плывем вдоль берега и спрашиваем, занят он или нет. Картинка!

— Что ж, по-твоему, — возразил Иванеев, выглянув из-за широкой спины Гапчука, — вдоль всего берега сидят немцы и, свесив ноги, смотрят в воду? Фронт рваный. Сам черт не разберет, кто где. Можно ночью высадиться и пробраться к своим...

— А ночь-то, — перебил Девяткин, — дырку в жиклере видно. Это здесь, в кустах, кажется, что темно, а там, — он махнул в сторону пролива, — как на ладони.

Сивков сорвал травинку, пожевал и выплюнул.

— Лететь надо, — негромко произнес он.

Девяткин присвистнул.

— Конечно, лучше всего вспорхнуть и полететь, как воробей.

Сивков, не слушая, задумчиво кивнул головой в сторону замаскированных неисправных самолетов.

— Надо лететь.

— Так это ж не самолеты, а лом. Без приборов, без пушек! Посдирали на запчасти. Сами же доказывали, что воевать на них нельзя!

— Воевать нельзя, — согласился Сивков, — а кое-как подняться и продержаться на прямом полете получаса можно. Этого бы хватило.

Иванеев внезапно засуетился, собираясь что-то сказать, но Гапчук ткнул его локтем, и все умолкли. Стал слышен шелест травы.

— Кажись, дело говорит Васька. — произнес Перкалев, — из одиннадцати машин для шести что-нибудь соберем.

— Соберем, а дальше? — съязвил Девяткин. — Ведь никто из нас от земли не поднимался выше одного метра. И то от пинка под зад.

— Да, но управление-то мы знаем, без счету чинили и регулировали. — возразил Иванеев, решительно оттолкнув Гапчука. Тот удивленно покосился на него, но промолчал. А Иванеев, вытянув вперед руку, двигал воображаемой рукояткой управления, пытаясь что-то объяснить. Гришуткин определил:

— Летчика черт знает сколько учат, и то первый раз без инструктора не взлетает. А посадка? Посадка — гроб.

Опять все смолкли. Кто-то звонко шлепнул на шее комара.

— На брюхо нужно садиться, — спокойно заявил Сивков, — не выпускать шасси, а вот на колеса — это верный гроб. Это не «У-2», а истребители.

— Ну что ж, — вздохнул Девяткин, — одни из нас разобьются при взлете, другие — в пути, а остальные — на посадке. Кто уцелеет, пусть считает себя Магометом, что ли...

— И то хорошо, — возбужденно сказал Иванеев, — лучше так, чем тебя полудохлым из воды вытащат или здесь, как куренка, с гоготом будут ловить в кустах.

— Разбиваться-то не хочется, — вздохнул Гапчук.

— Пошли, посмотрим, может, еще ничего и не сделать, — сказал, вставая, Сивков.

КОГДА подняли капоты и стали ковыряться в пахнувших бензином моторах, на душе полегчало. И вовсе не потому, что можно было починить машины, а потому, что опять начался привычный труд. Пусть это самообман. Пусть вся затея дика и нелепа. Но вместе с привычной работой пришло ощущение занятости, явилась цель. Она стянула к себе мысли, привела в какой-то порядок чувства. Не хотелось бросать работу ни на минуту, — сразу навалятся одиночество и обреченность.

К рассвету починили шесть машин, полностью распотрошив остальные.

— Н-нда... Если к бревну прибить доску поперек, то скорей поднимешься, чем на этих, — заметил Девяткин, вытирая руки ветошью. — Если уцелею, после войны в цирк пойду фокусником. Страшно смотреть: подуй ветер, развалятся на месте.

Сивков, незаметно для себя и для других возглавивший группу, непрерывно вдалбливал:

— Ребята, при взлете не поднимайте машину круто. Поле большое, разбегайтесь до спокойного подъема. В воздухе ни одного резкого движения. Уж если припрет, поворачивайте полегоньку. А вообще-то и этого не надо. Как поднялись, чуть левее градусов на десять, — почему на десять, он сам не знал, — и так до посадки. И ради бога не садитесь на аэродром — покалечите там всех. Лучше на поле или мелкий кустарник, и только на брюхо.

Спешно устроили на одной машине тренировку. Педали и рычаги управления, ранее столь знакомые, вдруг приобрели совсем особый смысл. За них брались вздрагивающими влажными руками, робко, как курсанты аэроклуба. Помогали друг другу советами, вспоминая все, что слышали когда-то от летчиков. Поочередно садились в кабину, другие в это время держали самолет за крылья, поднимали за хвост, ворочали, — «летали», не отрываясь от земли.

Откуда-то донесся гул мотора. Быстро завалили машину ветками, подняли головы. Разведчик противника низко пролетел стороной, сделал несколько кругов и удалился.

— Надо взлетать, сейчас начнут высаживаться, — почему-то шепотом сказал Гришуткин, нервно оглядываясь по сторонам.

— Ничего. — прогудел Гапчук, — они знают, что остров пуст, и авиацию сюда не бросят. А пехоте от берега час ходу.

ВОСТОК осторожно порозовел, потом стал разгораться все ярче и ярче. В рассветный час тишина особенно чиста. Какие-то профильтрованные расстоянием звуки долетали с пролива. Трава и кусты были от росы белыми, как в инее.

Все шестеро несколько минут молчали, пораженные прелестью утра, чутко вслушиваясь в тишину. Тонко и прерывисто звенело в ушах. Вот где-то в кустах робко пискнуло. Один раз, два... И вдруг и поле, и кустарник наполнились разноголосым щебетом. С кустов сыпались капли росы, под каждым листом копошилось живое и горластое.

Настало утро, и птицы приступили к своим обыденным делам. Люди в лихорадке нет-нет, да и провожали взглядом вспорхнувшую пичугу и, подавив вздох, снова брались за работу.

Но вот со стороны пролива донеслись отрывистые хлопки, упругие удары взрывов прокатились над головами. Простучали пулеметы, как прикладами в дверь. Птицы на миг смолкли, прислушиваясь, а потом с прежней силой возобновили гомон. Техники переглянулись.

— Пора, — сказал Сивков, — началась высадка.

По жребию распределили машины. Осталось определить очередность взлета. И тут все потупились. Никому не хотелось начинать, улетать последним было совсем страшно, а разом всем не взлететь. Наконец первым вызвался лететь Перкалев. Последним — Сивков, как старший.

Выкатили машину на старт. Перкалев оглядел всех лихорадочно блестевшими глазами, улыбнулся жалостливо и растерянно и, махнув рукой, полез в кабину.

Мотор запустили с третьего раза. Он долго чихал, оглушительно стреляя синими хлопьями дыма. Гришуткин болезненно морщился, оглядываясь кругом, словно на звук сейчас же из кустов выскочат немцы.

Самолет, подпрыгивая, побежал по росистой траве, оставляя за колесами темно-зеленые полосы. Рев мотора стал глуше. Вот оторвался от земли. Самолет круто полез вверх, яростно взвыл и, захлебнувшись, упал на краю поля. Взлетел пенистый клубок огня. Черная бензиновая копоть шапкой поплыла к небу.

Пятеро оставшихся подбежали к месту катастрофы, постояли, сняв пилотки, у огромного костра, не чувствуя жара на лицах. И медленно, с обнаженными головами побрели к своим машинам.

— Давай, следующий кто? — строго сказал Сивков. — Надо торопиться, нас услышали и увидели дым.

Гапчук перекручивал огромными руками пилотку, словно выжимал. Морщины на лице Девяткина стали резче. Он глухо сказал:

— Рожденный ползать летать не может. Лучше на бревне вплавь.

— Я лечу, — вдруг сказал Сивков, — а вы, как хотите, хоть вплавь, хоть на четвереньках. Не время рассуждать... — И, сунув пилотку в карман комбинезона, шагнул к своей машине.

— Последнему поджечь склады, или лучше я сам...

Гапчук толкнул Сивкова ладонью в грудь:

— Лети, Вася, пробуй. Взлетишь — все полетим, а нет... — Он вздохнул и развел руками.

— Склады не забудьте, — пробормотал Сивков, залезая в кабину. Секунду он сидел, хмурясь и моргая редкими ресницами. Потом, выдавив улыбку, сказал: — Ведь разобьюсь — побоитесь взлететь. И выловят вас здесь или потопят, как котят, в проливе.

Мотор долго не заводился. Сивков непрерывно сквозь зубы шептал: «Спокойно, спокойно, спокойно».

И когда грохот мотора забил в уши, а машину судорожно затрясло, Сивков продолжал твердить это слово. Самолет оторвался от земли и, мотаясь из стороны в сторону, низко пошел над кустарником. Сивковым овладело бешеное торжество первого полета, и теперь он уже орал во все горло:

— Спокойно! Спокойно!

С высотой исчезло ощущение скорости, и машина, казалось, повисла в воздухе, вереща мотором. Сивков понял, что вырвался из одуряющей тишины обреченного острова, а там сейчас товарищи с оживившимися глазами лезут в кабины.

Он долго не решался обернуться, боясь потерять управление, но все-таки переборол страх.

Сзади, оставляя синюю полоску дыма, летел самолет. А на острове, там где стояли склады, кипело пунцовое пламя.

— Спокойно, спокойно! — повторял Сивков и снова оглянулся. Но самолета уже не было. Нет, вон там, чуть заметная точка. Это кто-то другой, наверное. Гришуткин, а этот...

На серо-голубой глади моря взлетел и рассыпался, медленно опадая, белый султан пены. Сивков дернулся. Машина повалилась на крыло. Сивкова прижало к борту. Горизонт съехал набок. Мокрый от напряжения, Сивков, выравнивая машину, снова начал кричать: — Спокойно! Спокойно!

Наконец, машина кое-как легла на прежний курс.

Черные косматые клубы дыма возникли справа. Долетел раскатистый треск, словно что-то сломалось в моторе.

— Стреляют, — вслух произнес Сивков, — а кто, свои или чужие?

Он взглянул на часы, но вспомнил, что не заметил времени вылета. Внизу под самолетом тянулись поля, перелески, речки.

К северу, на горизонте, рисовались трубы и башни города. Сивков понял, где он находится, и начал выбирать место для посадки. Опять раздался звонкий треск, облака дыма пронеслись слева.

— Ребята, не надо, я — свой! — тонко закричал Сивков, покрываясь испариной, ожидая, что вот-вот снаряд лопнет перед машиной — и все... Так глупо!

Самолет со свистом пронесся над крышами хутора и плюхнулся на зеленое картофельное поле, подняв тучу пыли.

В моторе что-то потрескивало и попискивало, струился душный жар, остро пахло бензином. И опять была тишина, но совсем не та, что на острове.

Подбежавшие бойцы помогли Сивкову выбраться из кабины. Он услышал нарастающий гул мотора, потом редкие хлопки. Истребитель, вынырнув из-за рощи, пролетел над полем и скрылся за кустарником.

— Бегите туда! — крикнул Сивков. — А я... сам.

Пошатываясь, он заковылял было вслед за бойцами, но остановился: на соседнее поле шел на посадку самолет, выпустив шасси.

— Что ты делаешь! — заорал Сивков, грозя кулаком.

Из-под обломков перевернувшейся при посадке машины вытащили Девяткина. Он судорожно глотал слюну и бессмысленно вращал глазами. Потом очнулся и с тоской посмотрел на Сивкова.

— Зачем не садился на брюхо? — закричал ему в лицо Сивков.

— Иванеев вплавь решил... — выдавил Девяткин и, слабо шевельнув рукой, забылся.

Два бойца волокли из-за кустов Гришуткина, держа его под руки. Светлые волосы закрывали ему лицо. Возле Сивкова солдаты остановились, и один со вздохом сказал:

— Если все так будут садиться, ни машин, ни летчиков не хватит.

Гришуткин высвободил руку, откинул волосы и хрипло ответил:

— Мы не летчики, а технари... Техники. Слепой, что ли?

Мимо пронесли носилки с Девяткиным. Подошел молоденький фельдшер, скрипя новыми ремнями, и сказал, кивнув вслед носилкам: — Поставят на ноги. Сильные ушибы.

Потом осторожно тронул Сивкова за рукав:

— Да как же это вы... решились?

Не поворачивая головы, Сивков ответил коротко:

— Надо было. К своим.

В. ИНФАНТЬЕВ

Премии в Литве

Совет Министров Литовской ССР присудил государственные республиканские премии 1957 года за лучшие произведения литовской литературы и искусства.

В области литературы премии присуждены: Ю. Балтушису за роман «Проданные лета» — 25 000 рублей; Э. Межелайтису за «Братскую поэму» — 25 000 рублей; Ю. Грушасу за историческую трагедию «Геркус Мантас» — 15 000 рублей; Ю. Марцинкявичюсу за поэму «Двадцатая весна» — 15 000 рублей.

В области искусства премии присуждены: В. Клове за оперу «Пиленай» — 25 000 рублей; Ю. Индре-Падлецкису за балет «Аудроне» — 15 000 рублей; В. Юрчунасу за иллюстрации к поэма «Времена года» К. Донелайтиса — 15 000 рублей; режиссеру К. Кимантайте, художнику И. Вилутису, актрисе Я. Берукштите за постановку спектакля «Утопленница» в Государственном академическом театре Литовской ССР — 15 000 рублей.

КАЖДАЯ формация искусства имеет свой излюбленный круг героев. Так было и в античном искусстве, и в готическом, и в искусстве Возрождения, и в голландском искусстве и т. п. и т. д. В центре эстетической системы литературы XIX века стоял ищущий, протестующий человек, который отгораживался от окружающего общества, противопоставлял себя злу времени и господствующему порядку вещей.

В центре эстетической системы искусства социалистического реализма стоит человек, активно борющийся за революционное освобождение человечества от капиталистического рабства. История выковала совершеннейшее оружие этой борьбы — Коммунистическую партию. Под знаменем Коммунистической партии, движимые ее идеями, следуя ее лозунгам, растут и формируются люди, наделенные самыми высокими и благородными человеческими достоинствами — героической самоотверженностью, преданностью идеалам, верностью народу.

Почему столь красноречив, столь богат содержанием и столь поэтичен приведенный нами крохотный эпизод из «Последнего из удэге»? Потому, что Фадеев извлек эту поэзию из самой жизни, из самой деятельности большевистской партии, обновляющей мир. Фадеев выразил здесь цельность нового героя истории — большевика. Не только разум, проникнутый определенным кругом идей, не только воля, движимая определенными целями, но и чувства, которые, казалось бы, относятся к чисто личной, интимной сфере—любовь и нежность,—все обращено к тем же идеям и тем же целям.

Подобно Фадееву, Эйзенштейн был как нельзя более далек от простого повествования. Ему был чужд прямой пересказ. У него сквозь последовательность событий звучит важный и торжественный дух поэзии. «Броненосец «Потемкин» — поэма в самом полном и точном смысле этого слова. Перекликающиеся метафоры, ритмический строй превращают монтажные фразы в своего рода стихотворные строфы.

Но в свете этого сходства еще разительнее предстает громадное различие художественных индивидуальностей. Эйзенштейн в высокой степени эмоционален, но не психологичен. В Фадееве же нас привлекают психологическая зоркость, насыщенность и глубина. Фадеев, проникая во внутренний мир своих героев-большевиков, прочел их душевные движения, извлек из повседневной партийной деятельности ее высокую поэзию и претворил ее в ярчайшие художественные образы.

Создавая произведения, движимые одной и той же силой большевистской партийности, Фадеев и Эйзенштейн были художниками не только очень разными, но во многом даже противоположными по своему творческому складу и устремлениям.

СДЕЛАТЬ ли нам из этого вывод, что партийность «нисколько не препятствует» (как любят выражаться некоторые критики) раскрытию индивидуальности художника? «Не препятствует»... До чего укорочена и обрублена эта формулировка! Большевистская партийность — и ради этого мы привели пример из «Броненосца «Потемкина» и «Последнего из удэге» — в величайшей мере обогащает индивидуальность художника, умножая ее творческие сокровища, помогая расцвесть специфическим особенностям индивидуального дарования.

Валентин Катаев — прозаик, тоже склонный к введению поэтических элементов в свою прозу, в знаменитой сцене увода в тюрьму Дружинина, Святослава и Валентины («За власть Советов») изобразил, как веточка белой акации, брошенная с балкона, упала на Валентину. «Так она и шла, с маленькой веточкой белой акации в губах, почти черных, как маленькая запекшаяся рана...»

Внешняя деталь с удивительной силой подчеркнула внутреннюю, духовную красоту подвига большевиков-подпольщиков. Материальная деталь у Катаева, метафора у Эйзенштейна, психологическое проникновение у Фадеева, — как разны пути, ведущие к одной цели, как обусловлены эти различные пути единой вдохновляющей силой партийности!

Энгельс высоко ценил Бальзака за то, что он «видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти...» Это—важнейший элемент художественного «видения». Сила А. Фадеева (как и всего нашего искусства) в том, что он увидел своего героя там, где его только и можно было найти. Мерой этого видения проверяется и все наше искусство и каждый художник в отдельности.

СЦЕНА чтения письма заканчивается у А. Фадеева следующими словами: «Ни один король, царь, президент или какой-либо другой руководитель современного буржуазного государства и никакой папа, банкир или закон никогда не имели и не могли иметь такой власти над своими подчиненными, какую небольшая группа людей (членов областного комитета партии. — Е. Д.)... имела на Петра, Алешу и Мартемьянова, а через них на десятки и сотни, а через этих на десятки и сотни тысяч восставших людей.

Власть эта была признана Петром, Алешей и теми, кто шел за ними, добровольно и была основана на силе простой разумной мысли, очищенной от всяких побочных соображений... мысли, настолько жизненно правдивой, то есть настолько соответствующей ходу самой жизни и стремлениям людей, что она приобретала характер материальной силы».

Удивительно свежо звучат эти строки. Они говорят о жизненности и долговечности произведений искусства, пронизанных духом большевистской партийности. Говорят они и о том, как многогранна, широкообъемлюща и неисчерпаема задача художественного воплощения большевика, нового героя истории, и Коммунистической партии — ее светлой, благодетельной и обновляющей силы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 94 6 августа 1957 г. 3

Хирасима напаминает!..



СЕГОДНЯ исполняется двенадцать лет со дня уничтожения японского города Хиросимы американской атомной бомбой. Сегодня же в Японии открывается третья международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия. Человечество никогда не простит массового убийства мирных жителей Хиросимы и Нагасаки. Миллионы людей во всем мире в этот день склоняют головы перед жертвами атомной бомбардировки.

Перед нами небольшая брошюра, изданная в Японии. На обложке — изображение грибовидного облака, возникающего при взрыве атомной бомбы. На белом фоне гриба простуиают черные буквы слов: «Не допустим повторения Хиросимы», «За запрещение атомных и водородных бомб»... Это брошюра, изданная Национальным фестивальным комитетом Японии накануне открытия Всемирного фестиваля. Вот что говорится о целях ее появления в предисловии:

«До отъезда в Москву мы обсудили и приняли решение, что наш долг — от имени всего японского народа, ставшего первой жертвой ужасного ядерного оружия, обратиться с призывом к молодежи и студентам мира бороться за запрещение атомной и водородной бомбы...

Мы страстно желаем, чтобы наша брошюра стала вкладом в благородную борьбу народов и молодежи во всем мире за немедленное прекращение испытаний атомных и водородных бомб, за безоговорочное запрещение этого оружия».

Четырнадцать страничек текста на английском и японском языках рассказывают читателю страшную правду о варварском оружии массового уничтожения. Здесь не только описаны ужасы и несчастья, которые принесли японцам американские атомные и водородные бомбы, здесь также выражен гневный протест японского народа против угрозы атомной войны.

Фотодокументы и рассказы очевидцев повествуют о трагедии Хиросимы и Нагасаки, о смертельных последствиях атомной радиации, об экипаже японского рыболовного судна «Фукурю-мару», ставшего жертвой испытания американцами водородной бомбы у атолла Бикини.

«...Когда появилась огромная вспышка белого цвета, — рассказывает один из членов экипажа этого судна, — нам показалось, будто на западе взошло солнце... Так называемый гриб поднялся высоко в небо в том месте, где блеснула вспышка, и затем распростерся над нашим судном. На нас посыпалась белая пыль, она продолжала падать в течение часа. Мы прекратили работу и повернули в сторону дома. В тот же вечер начались наши мучения. Заболели желудки, стали выпадать волосы, из ушей, покрытых белой пылью, потек гной. Притупилось сознание. Молодые матросы кричали: «Мы не хотим умирать!»...

Диаграмма показывает вредное действие радиоактивных осадков, образующихся при взрыве водородной бомбы. Так, стронций-90 с дождем оседает на землю, проникает в растения, а затем с молоком коровы, поедающей траву, попадает в организм человека, разрушает его.

Брошюра рассказывает и о мужественной борьбе японского народа, особенно японской молодежи, против ядерного оружия. Вот снимок: демонстрация студентов перед зданием английского посольства в Токио; в руках у демонстрантов плакаты с требованием прекратить испытания водородной бомбы.

Японская делегация привезла эту брошюру в Москву на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, чтобы познакомить с ее содержанием участников фестиваля. В обращении к ним японская делегация призывает: «Молодежь и студенты мира! Протестуйте против ядерного оружия и атомной войны! Объединимся, чтобы не допустить повторения Хиросимы!»

ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

ДРУЖБА — ГЛАВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ МИРА

ПЕРЕД нами море рук, бросающих букеты цветов. Перед нами народ, который встречает нас, крепко обнимая, с радостью и улыбками. Мы видим влажные глаза старого друга, ласковый взгляд старухи-матери, которая, уже согбенная годами, смотрит вверх, чтобы увидеть товарища своего сына, прищуренные глаза отца, искалеченного в последней войне, но все еще с гордостью носящего свою старую форму и медали. Каждому приходит на ум одно и то же: между нами нет разницы на земле, но мы не высказываем эту мысль вслух, сама радость встреч делает это ненужным.

Африканский негр перестал быть чем-то экзотическим и обнимается с розовощеким русым парнем, а сзади ему на плечо положил руку смуглый черноволосый человек; перед негром подпрыгивает мальчик с русыми, почти белыми волосами, выбивающимися из-под черной шапки, и просит, чтобы негр написал ему что-нибудь в блокнот. Это не важно, что они не понимают друг друга: у людей столько различных языков, но есть один всеобщий язык — язык дружбы. Навстречу нам вышел испанец-эмигрант. Он нервничает, пожимает крепко нам руки, берет нас под руки и говорит: «Хорошо, хорошо, как вы себя чувствуете? Вы теперь будете находиться среди братьев. Эти ребята вам предоставят все необходимое». Девушка, только что окончившая институт иностранных языков, показывает свое знание языка, спрашивает нас, не заболел ли кто и благополучно ли мы доехали. И если кто заболел, то раньше, чем он кончал описывать симптомы своего заболевания, он уже находился около амбулатории со множеством докторов и медицинских сестер. Лекарства? Я не знаю, кто их доставал, но только они появлялись раньше, чем доктор кончал писать рецепт, и если нужна была вода, появлялась дружеская рука, которая протягивала стакан свежей воды.

Город улыбался прибывающим знаменами всех форм и размеров, словами приветствий, музыкой, украшениями, флагами нашей страны, которые появлялись перед нашим взором, чтобы гордо сказать нам: «Смотри, я уже здесь; дружеские руки нашли меня, и вот я здесь развеваюсь, чтобы ты смог включиться в это таинство человеческого счастья».

Географические дистанции исчезают в этом объединении молодежи и студентов всех стран. Внешние различия стираются, и только остается крепкое рукопожатие братьев.

Все мы пожимаем руки друг другу, приветствуем друг друга; неважно, какие у нас имена, и какой цвет имеет наша кожа, и как мы одеты, и какой у нас цвет волос: русые или вьющиеся черные.

Все это благодаря народу, который сумел встретить участников VI фестиваля молодежи и студентов в едином порыве, не скупясь во имя достижения одного — мира. У каждого очага здесь ждет прибывшего братское объятие.

Для далеких стран идея фестиваля как праздника дружбы всегда была чем-то необходимым и совпадающим с их желанием. Представители наших стран встречают здесь братский прием. Молодой человек из Америки растворяется в массе людей других континентов. Он встречает соотечественников, которых судьба занесла далеко от родины, и те узнают от прибывшего последние известия о родимом крае.

Мы, латиноамериканская молодежь, участники фестиваля, приняли почетное приглашение, чтобы повидать своих коллег, собравшихся сейчас в Москве. Мы хотим обменяться мнениями с людьми смежных профессий, познакомиться с этими людьми, задать им ряд вопросов. Те, кто приехал до начала фестиваля, уже посетили библиотеки, музеи, побывали на концертах и на представлениях театра кукол. Те, кто просто хотел познакомиться с городом, имели возможность увидеть здания, улицы и мосты; смогли увидеть панораму обширного города. Те, кто искал экзотику, встретились здесь с различными человеческими типажами, с различными одеждами, с глазами круглыми и раскосыми, с носами различной формы, с людьми различной кожи, но у которых на устах всегда дружеское слово.

После фестиваля мы возвратимся домой, наполненные оптимизмом. Да, действительно можно достичь мира во всем мире дорогой дружбы и взаимопонимания. Да, дорога такова. Близкое общение между молодежью различных наций, содружество без зла. Узнать нас, понять наши интересы, понять, что нас беспокоит, вместе посмеяться с нами и помочь нам — вот методы, которыми можно достичь мира.

Архельерс ЛЕОН,
журналист (Куба)

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПРИЕМ

Я МОГУ считать себя уже старым москвичом — ведь я впервые побывал в СССР в 1932 году и приезжал с тех пор еще в 1934, 1935 и 1937 годах.

Вы спрашиваете о моих впечатлениях? Что ответить вам? Прием, который нам оказали в Москве и Ленинграде, просто-напросто незабываем. Видишь, что все советские люди исполнены необычайного доброжелательства и братских чувств к другим народам, — они дарили нам цветы, открытки, сувениры с такой непосредственностью, что слезы выступали у нас на глазах.

В Москве я увидел широкие площади и проспекты, а также почувствовал, как широко мыслят советские люди. Какой контраст с Москвой 1932 года — с ее узенькими улочками и старыми домами, обступавшими тогда гостиницу «Националь»... Теперь здесь все величественно, вы мыслите грандиозными масштабами!

Я видел спектакль Театра кукол (это изумительно!); мы ездили в Ясную Поляну, чтобы воздать дань преклонения великому человеку — Льву Толстому. Поездка эта произвела на меня сильнейшее впечатление, и я хотел бы, чтобы все наши товарищи имели возможность ее совершить.

Отвечая на ваш вопрос относительно русской музыки, я должен признаться, что предпочитаю Чайковскому других композиторов, творчество которых является, с моей точки зрения, более глубоко национальным. Это композиторы Глинка, Римский-Корсаков, Бородин и, в особенности, Мусоргский. Я восхищаюсь музыкой Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна и Кабалевского, который написал такой чудесный концерт для виолончели (я даю его играть всем ученикам моего класса в Парижской консерватории).

Молодым участникам фестиваля я скажу: «Продолжайте встречаться, пользуйтесь для этого всеми поводами, стойте плечом к плечу, и в конце концов милитаризм будет убит».

Как жаль, что нет универсального языка, понятного всем народам! Как досадно, что, стремясь к свободному обмену мыслями, мы наталкиваемся на барьер, разделяющий нас, на эти слова «не понимаю», которые приходится слышать — увы! — слишком часто!

Обращаясь к вам, я от всего сердца говорю: «Мир и дружба!»

Морис МАРЕШАЛЬ,
французский музыкант, член жюри Международного конкурса струнных инструментов фестиваля

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ГРЕЦИЯ *Кукулас и Вретакос:*

Литература Греции богата

Продолжаем печатать интервью о литературе различных стран. Эти интервью взяты корреспондентами «Литературной газеты» у участников и гостей фестиваля.

— В этом поэтическом сборнике, который я назвал «Время и река», около сорока стихотворений. Их объединяет общая тема борьбы за мир и любви к человеку. Они проникнуты самым оптимистическим содержанием, — рассказывает нам видный греческий поэт Никифорос Вретакос, говоря о своей последней книге.

— Я считаю, — вступает в разговор Леон Кукулас, поэт и драматург, вице-председатель Общества греческих писателей, — что «Время и река» — интереснейшее явление в нашей современной поэзии.

Мы беседуем с греческими писателями, которые рассказывают нам о своей работе. Никифорос Вретакос намеревается в ближайшее время выпустить в свет сборник стихов под названием «Моя мать в церкви». Они посвящены актуальнейшей проблеме современности — протестам народов мира против испытаний атомного и водородного оружия.

Леон Кукулас, уже много лет работающий в области театрального искусства, готовит к печати книгу о древнегреческом театре. Кроме того, он регулярно выступает в печати.

— Какие писательские организации существуют сейчас в Греции?

— У нас есть целых три объединения литераторов: Общество греческих писателей, Национальная ассоциация писателей Греции и Союз греческих писателей, — отвечает Кукулас. — В Обществе греческих писателей всегда состояли наиболее видные прозаики, поэты и драматурги Греции. К их числу принадлежали, например, такие имена, как Паламас, наш выдающийся поэт, Ксенопулос, романист и основоположник реалистического театра, крупные поэты Малакасис и Сикельянос, известный своими блестящими переводами с древнегреческого Грипарис. Сейчас в рядах общества активно работают видные художники слова: Казандзакис, автор необычайно популярного и уже экранизированного во Франции романа «Христос распят снова», поэты Варналис и Рицос, Нестор наших писателей Вутирас, которого мы называем греческим Горьким, — он первый в литературе Греции начал писать о пролетариате. Это перечисление было бы неполным, если бы я не упомянул еще двух имен — Корнароса и Лудемиса.

Национальную ассоциацию писателей Греции возглавляет Меривилис, один из лучших писателей нашей страны. Среди ее членов также — драматург и прозаик Терзакис и исключительно одаренный романист Карагацис. Не так давно из Национальной ассоциации в результате некоторых формальных разногласий выделилась так называемая «группа двенадцати», находящаяся теперь, по существу, на автономном положении. Что касается Союза греческих писателей, то он объединяет, главным образом, начинающих литераторов.

— В каких отношениях находятся между собой все эти организации?

— В последнее время между ними происходит известное сближение, правда, пока лишь по чисто профессиональной линии. Я имею в виду общие выступления в защиту авторских прав, оказание материальной поддержки нуждающимся писателям и так далее.

— Расскажите нам, пожалуйста, о литературных журналах Греции.

— Самый старый из наших журналов — это «Неа эстиа» («Новый очаг»), выходящий два раза в месяц. Он был основан Ксенопулосом тридцать лет тому назад. Другой крупный журнал — «Эпифеориси текнис» («Обозрение искусств»). Это — ежемесячник, в котором активно сотрудничают многие прогрессивные деятели литературы и искусства. В частности, журнал собрал вокруг себя группу талантливых художников и скульпторов. Редакцию «Эпифеориси текнис» возглавляет известный архитектор Сиапкидис.

«Кенурья эпохи» («Новая эпоха») — так называется наш единственный «толстый» литературный журнал, выходящий четыре раза в год. В этом издании публикуют свои произведения многие греческие писатели, независимо от их идейно-художественных воззрений.



Н. Вретакос (слева) и Л. Кукулас.

— А что вы могли бы рассказать нам о греческих издательствах?

— В Греции очень много издательств, но, к сожалению, большинство из них выпускает лишь те книги, которые приносят прибыль. Поэтому нередко бывает так, что сам писатель вынужден нести расходы по изданию своих стихов или романов. Вот почему очень многим литераторам приходится где-нибудь служить, чтобы зарабатывать себе на жизнь...

В беседе выясняется, что Кукулас в течение долгого времени работал в Управлении железных дорог Греции, а Вретакос является служащим одного частного предприятия.

— Обычно тираж книги в Греции не превышает пяти тысяч экземпляров. Однако произведения советских авторов, как правило, издаются значительно большими тиражами. Эти книги переводятся непосредственно с русского языка, и только я, — улыбается Кукулас, — оказался «преступником»: я перевел «Нашествие» Леонова с французского языка. Мною же эта пьеса была поставлена на сцене.

В заключение беседы мы просим греческих гостей назвать несколько наиболее значительных произведений литературы их страны, вышедших в свет в последнее время.

— Я уже высказал свое мнение о поэтическом сборнике Вретакоса «Время и река», — говорит Кукулас. — Следует назвать также книгу Яниса Рицоса «Соната луне». Это — большая аллегорическая поэма о распаде буржуазной цивилизации. Из прозаических вещей надо упомянуть исторический роман Казандзакиса «Капитан Михалис», повествующий о борьбе против чужеземного ига на острове Крит. Несомненными достижениями нашей прозы являются также две книги Лудемиса: «Мальчик считает звезды» — о трудной жизни греческого мальчика в наши дни, и его большой автобиографический роман...

Никифорос ВРЕТАКОС,
греческий поэт, участник фестиваля

КАК ХОРОШО НА ЗЕМЛЕ!

Как хороша земля! Как хорошо на земле!
Над нею солнечный шар в движении неустанном.
Утро сменяет ночь.
Как хорошо на земле, здесь столько великих чудес
И родников из света!
У роднина из света радостный я стою,
Пет, я еще не начал петь ему песнь свою,
Но столько но мне тепла,
Столько простора и веры,
Что, если поможет бог,
Я сотворю эту песню.
Как хорошо на земле!
День необъятен и чист, как будто сегодня в небе
Праздник и я иду в храм вместе с солнцем.
Кажется, если крикнешь, тебе отзовутся звезды...
Все сегодня так близко.
Мир — как орган огромный, розовый и голубой.
Все слышно. Я слышу сегодня, как небо плывет.
Прикасаясь к листьям, и в золоте колокольном
Сверкают все дороги, и я иду, улыбаясь
Свету, теплу и солнцу,
В губах у меня — гвоздика...
Сегодня любое слово сразу становится песней,
И песни текут, играя, чистые, как вода
Из родника, в котором пьют птицы,
Кажется мне, что сегодня я стал полноводной рекою
Или плотиной, и солнце льется через меня...
Нет, ничего сегодня я не прошу у бога,
Пусть просят солнце и ветер, а у меня все есть,
Хочу лишь, чтобы мой голос, как чистая песня птицы,
Остался в ушах вселенной.
Сколько во мне есть песен,
Куда их всех деть — не знаю.
Пусть у меня сегодня возьмут все слова
И оставят только одно желанье:
Петь так просто, как пели
Кузнечики летней ночью в нашей деревне,
Петь так просто, как струйки
К роднине за деревней, когда из него пьют птицы.
Тяхо поет родник, но гонор его наполняет
Весь необъятный улей земли и неба.
Пусть песнь моя станет богаче
От каждой капли дождя,
От каждой капли солнца,
И пусть течет моя песня, полная красок неба,
Полная жизни и света,
Пусть радость приносит людям.
Как радуга, дождь и звезды.

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ

ИНДОНЕЗИЯ *Рийоно Пратикто:*

Искать путь к сердцам простых людей



РИЙОНО ПРАТИКТО, — пожалуй, самый молодой из известных индонезийских писателей. Он уже не первый год работает в литературе: пять лет назад джакертское издательство «Валэй Пустака» выпустило в свет его сборник «Огонь и другие рассказы».

— С тех пор, — рассказывает нам Рийоно Пратикто, — я написал немало коротких рассказов. Они были напечатаны не только в литературных журналах, но и в других периодических изданиях, имеющих литературные странички. Надо сказать, что чистолитературные журналы, как показывает опыт, у нас недолговечны. Исключение составляют разве что ежемесячники «Конфронтаси» и «Индонесия», но последний выходит довольно нерегулярно и с большими опозданиями. А вот, например, журнал «Компас», где я публиковал раньше свои рассказы, закрылся. Большие трудности переживает ежемесячник «Кис с а х», объединяший вокруг себя многих молодых писателей. Сейчас он перестал выходить в свет, но мы надеемся, что издание будет возобновлено.

— Где вы сейчас пишете?

— С 1951 года я живу в Вандунге и посылаю свои рассказы в журналы «Пуспа ванита» и «Врита минггу». Кроме того, я занимаюсь переводами — меня очень привлекает эта работа. В последнее время я перевел несколько рассказов Чехова, в их числе, например, «Нищий».

— Как же вы их переводили?

— К сожалению, не с языка подлинника, — улыбается Рийоно Пратикто, — а с английского и голландского языков.

— Каким темам вы отдаете предпочтение в своем творчестве?

— Меня привлекает городская жизнь в ее интересных, многообразных проявлениях. Мною задумана целая серия так называемых «Современных сказок». Многие из них уже написаны. Это короткие аллегорические повествования, насыщенные социальным содержанием. Я беру обычную жизненную ситуацию и излагаю ее в сказочной форме.

— Почему вы избрали именно этот жанр?

— Сказки очень доходчивы, и я надеюсь, что с их помощью легче найти путь к сердцам простых людей. Одна из последних моих сказок называется «Один вечер для тебя». В основе ее — лирический сюжет.

— Есть ли писательская организация в Вандунге?

— В нашем городе есть филиал «ЛЕКРЫ» («Общества народной культуры»), при котором организован «Литературный кружок». Я тоже состою членом этого кружка. Он объединяет более шестидесяти литераторов.

— Над чем вы собираетесь работать по возвращении на родину?

— Я думаю продолжить цикл «Современных сказок», а кроме того, собираюсь писать о своих впечатлениях о Советском Союзе...

ВОЕВАЯ ЗАДАЧА КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПО СТРАНИЦАМ КИТАЙСКИХ ГАЗЕТ

БОРЬБА против буржуазных правых элементов на фронте литературы и искусства принимает в Китае все больший размах. «Литературная газета» уже сообщала о выступлениях ряда видных китайских писателей в газете «Женьминьжибао» [1]. Недавно «Женьминьжибао» и еженедельник «Вэньибао» поместили ряд новых материалов на эту тему. В своих статьях писатели, критики, литературоведы дают отпор буржуазным правым элементам, подвергают суровой критике высказывания отдельных литераторов и ошибки, допущенные за минувший период печатными органами, в частности газетой «Вэньибао».

В статье, озаглавленной «Общими усилиями сметем тучи», писатель Лю Бай-юй, известный советскому читателю по книгам «Заря впереди», «Спаянные кровью», по сборнику «Избранное», пишет, что правые элементы развернули наступление на социализм, который был завоеван величайшими усилиями китайского народа. Острие этого наступления, продолжает автор, направлено на самые основы нашей жизни — на партию, на социалистический строй. Особого внимания заслуживает тот факт, подчеркивает Лю Бай-юй, что абсурдные, путаные высказывания правых на литературном фронте связаны с позицией лидеров правых элементов. Автор замечает, что некоторые работники литературы и искусства придерживаются той же позиции, что и лидеры правых, — они выступают против руководства партии литературой и искусством.

Развивая свою мысль, Лю Бай-юй пишет, что утверждение правых, будто бы проводимое партией движение за упорядочение стиля предполагает вскрытие лишь недостатков и ошибок и замалчивание успехов и достижений, нашло свое отражение и в литературных кругах. Кое-кто здесь также старается представить положение так, будто жизнь и литература в Китае находятся в крайне безысходных условиях, и на этом основании ратует за то, чтобы писатели направили свое перо исключительно на разоблачение темных сторон действительности. Когда же такое «направление» не встречает поддержки, то сторонники его начинают кричать о том, что в Китае нет свободы слова и творчества.

«Можем ли мы быть безучастными к такому положению в литературе и искусстве? — спрашивает Лю Бай-юй.— Нет, мы не можем молчать. Мы должны решительно вступить в борьбу, должны общими усилиями смести с пути все грязное и подлое, что может как-то очернить или опорочить наше священное революционное литературное дело... Если мы убежденно считаем себя бойцами социалистического литературного фронта, то самой главной боевой задачей для нас в настоящее время является борьба против буржуазных правых элементов. Если мы считаем себя народными и революционными писателями, мы не можем быть сторонними наблюдателями в этой борьбе, мы должны выступать в авангарде народа и своим пером, своими творческими усилиями помогать народу в решительном бою с правыми элементами».

Лю Бай-юй напоминает, что Максим Горький всей силой своей огромной правды боролся против всяких замаскированных классовых врагов, Лу Синь также срывал маски с палачей и псов старого общества, угнетавших народ. «Мы шаг за шагом прошли славный революционный путь и, наконец, добились свободы, тесного сплочения с трудящимся народом, свободы творчества, высокой чести воспевать народ и революционное дело. Следует помнить, что именно все это в старом обществе жестоко преследовалось». Лю Бай-юй, говоря далее о том, что сейчас буржуазные правые элементы пытаются восстановить проклятое прошлое, призывает вести беспощадную борьбу против этих элементов в литературе и искусстве.

За последнее время, пишет Лю Бай-юй, в наших литературных журналах появились значительные поросли «ядовитых трав» — произведений, объективно являющихся дымовой завесой, благоприятной для бешеного наступления правых элементов. Во имя победы над правыми элементами мы должны серьезно заняться ликвидацией этой дымовой завесы. Нельзя забывать, что как марксизм развивается и побеждает в борьбе, так и наше социалистическое литературное дело также должно расцветать и продвигаться вперед в борьбе с идейными противниками. Непобедимые силы социализма на нашей стороне, пишет автор. Правые элементы пытаются использовать интеллигенцию, работников искусства и науки, как оружие для нападок на Коммунистическую партию и социализм... На их атаки и клевету наш ответ таков: социализм не опрокинешь, потому что он глубоко живет в сердце каждого китайского человека.

Лю Бай-юй заканчивает статью такими словами: «Наше социалистическое небо ясное и светлое, и никаким тучам его не закрыть! Алчные сны волка не преградят жизненную дорогу свободному человеку. Солнечные лучи могут не только рассекать тучи, но и рассеивать их...»

«Ошибки надо подвергать критике, против ядовитых трав надо вести борьбу...» — пишет в газете «Женьминьжибао» известный писатель Цзинь И. — Мы должны высоко держать знамя социализма, под руководством партии смело идти вперед, добиваясь того, чтобы литературное дело в нашей стране стало частью партийного дела. Мы должны стремиться всеми силами активно участвовать в великом деле защиты и построения социализма».

Резкой критике на страницах китайских газет подверглись клеветнические, злопыхательские выступления члена редколлегии газеты «Чжунгоцинняньбао» («Китайская молодежь») Лю Бинь-яня.

Борьба Лю Бинь-яня против политики партии, пишет в редакционной статье газета «Женьминьжибао», принесла огромный вред. Его высказывания ни в чем не уступают заявлениям правых элементов вне партии. «Социалистическое строительство и социалистические преобразования в нашей стране, — указывается в статье, — рисуются Лю Бинь-яню только в черных тонах. Все хорошее под его пером искажается и превращается в плохое».

Огонь своей злонамеренной критики этот так называемый «новатор» сосредоточил, главным образом, против партийного руководства, в частности в области литературы и искусства.

«Лю Бинь-янь считает, — продолжает газета, — что в литературе после образования Китайской Народной Республики не создано ничего значительного, полностью игнорирует успехи нашей литературы и искусства. Таким предстает социализм сквозь черные очки, которые надел Лю Бинь-янь».

Недавно на совместном собрании Союза журналистов Китая и сотрудников газеты «Чжунгоцинняньбао» резко критиковался рассказ Лю Бинь-яня «Что нового у нас в редакции». Выступавшие отмечали, что в этом рассказе партийная организация выведена как консервативная сила, а журналисты — члены партии обрисованы отсталыми, безынициативными, необразованными людьми. Аналогичную оценку этот рассказ получил и в статье «Что вредного в творчестве Лю Бинь-яня», написанной известным литератором Фан Цзи и опубликованной в одном из последних номеров газеты «Чжунгоцинняньбао».

Еженедельник «Вэньибао» в одном из последних номеров опубликовал передовую статью «Против взглядов правых элементов в среде работников литературы и искусства». В статье подчеркивается та мысль, что «только под могучим руководством партии наша литература и искусство могут идти вперед по пути социализма и коммунизма. Какие здесь еще могут быть сомнения?»

Об этом же говорит в одном из номеров «Вэньибао» известный писатель и общественный деятель Го Мо-жо. «Без партийного руководства, — заявляет он, — литература утратит свою направленность, народность, партийность. Воспитание литераторов, их сплочение и творческий энтузиазм также немыслимы без партийного руководства».

Внимание литературной общественности Китая привлекла статья «Наша самокритика», опубликованная в газете «Женьминьжибао». Авторы этой статьи — главный редактор литературного еженедельника «Вэньибао» известный критик Чжан Гуан-нянь и его заместители Хоу Цзинь-цзин и Чэнь Сяо-юй — подвергают обстоятельному критическому разбору работу своей газеты за последние месяцы.

В мае — июне текущего года, в период яростной атаки буржуазных правых элементов в масштабе всей страны, говорится в статье, противоречия внутри нашей редакции также чрезвычайно обострились, и на страницах нашей газеты выросло немало «ядовитых трав». Среди них были материалы, отражающие взгляды правых элементов, были демагогические выступления и короткие информационные заметки, содержащие нападки на отдельных людей... «Мы в редакции под давлением правых взглядов и правых настроений проявляли подчас соглашательство и попустительство. В этих вопросах мы по существу позорно отступали перед буржуазной идеологией...»

«Как же могло случиться, что наш еженедельник,—пишут авторы, — стоящий на марксистских позициях, в разгар вражеской атаки поместил ряд ядовитых трав, под стать опубликованным газетой «Вэньхуэйбао»[2]?». Отвечая на этот вопрос, авторы указывают, что «буржуазный стиль работы газеты «Вэньхуэйбао» влиял на многих наших товарищей».

«Товарищи, не надо падать духом! — пишут авторы в заключение. — Задача наша заключается теперь, во-первых, в том, чтобы выполоть посаженные нами самими ядовитые травы, во-вторых, в том, чтобы собраться с силами и нанести решительный удар правым элементам, правым взглядам. Проверим себя в этой борьбе, Товарищи, теснее сплотимся вокруг партии!»

1 См. «Литературную газету» № 81 от 6 июля 1957 г.

2 «Вэньхуэйбао» — шанхайская газета, где нашли пристанище буржуазные правые элементы. Линия этой газеты была разоблачена и осуждена на страницах китайской прессы.— Ред.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В связи с запросами с мест сообщаем, что подписка на «Литературную газету» принимается без ограничения.

Подписная плата:
с сентября до конца года — 20 руб. 80 коп.
на один месяц — 5 руб. 20 коп.

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, общественными уполномоченными по подписке на предприятиях, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство «Литературной газеты»

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯВЧИКОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б02356.